

Мargarита Фуарo

Любовь
без свободы
становится
клеткой

Брачный отдел
для нечисти

БРАЧНЫЙ ОТДЕЛ
ДЛЯ НЕЧИСТИ

РАЗВОД С ЁКАЕМ

БРАЧНЫЙ ОТДЕЛ ДЛЯ НЕЧИСТИ

Маргарита Фуаро

Развод с ёкаем. Брачный отдел для нечисти

<https://litres.ru/74345769>

Аннотация

ФИНАЛ

Я очнулась в чужом теле за брачной ширмой - с браслетом на запястье, чужим именем на губах и мужем, который смотрел на меня так, будто уже однажды похоронил. Его зовут Кагэро. Он ёкай. Хозяин Тени. Правитель Ночного Двора. Все говорят, я сама стала его женой. Все говорят, я предала его первой. Все говорят, что развод с ёкаем невозможен. Очень смешно. В прошлой жизни я была семейным юристом. Я расторгала браки с такими чудовищами, что у них даже рогов не было. Теперь мне нужно доказать, что мой собственный брак незаконен, выжить среди нечисти и получить доступ к договору, который хранит не текст, а память о согласии. Но чем глубже я читаю чужую жизнь, тем страшнее правда: Кагэро уже отпускал меня. Я уже просила развод. А кто-то переписал нашу любовь так, чтобы она стала клеткой. И если я разорву этот брак неправильно, из его тени выйдет тот, кто пожирает имена.

Содержание

Глава 1 - Брачная ширма	4
Глава 2 Жена, которую вернули	26
Глава 3 Не моё тело	44
Глава 4 Первое условие развода	57
Глава 5 Хозяйка архива	74
Глава 6 Тень, которая не слушается	90
Глава 7 Судебная башня	102
Глава 8 Дело русалки без голоса	117
Глава 9 Молчание не является согласием	133
Глава 10 Дом тёплых свечей	151
Глава 11 Демон, проигравший невесту	165
Глава 12 Чужое имя во рту	184
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Глава 1 - Брачная ширма

Сначала я услышала дождь.

Он падал не снаружи, а будто внутри моей головы: густой, тяжёлый, чёрный. Каждая капля ударяла по вискам, стекала за веки, собиралась на языке горечью старого лекарства. Я попыталась вдохнуть и поняла, что воздух пахнет не больницей, не мокрым асфальтом и не подушкой безопасности, раскрывшейся перед лицом за секунду до темноты.

Воздух пах дымом, сырым шёлком и кровью.

Не свежей — старой. Такой запах бывает у вещей, которые долго стирали, долго сушили, долго прятали в сундуках, но так и не смогли отмыть.

Я открыла глаза.

Передо мной была красная ткань.

Она висела так близко, что я видела каждую нить: тёмные, почти бордовые прожилки, вышитые чёрным узором. Сначала мне показалось, что это ветви дерева. Потом узор шевельнулся, и я поняла: не ветви. Тени. Чьи-то тонкие тени, пришитые к шёлку золотыми стежками.

Я моргнула.

Узор снова стал неподвижным.

«Сотрясение», — машинально подумала я.

Это было удобно. Почти утешительно. Сотрясение объясняло красную пелену, звон в ушах, странную тяжесть в ру-

ках. Сотрясение могло объяснить тошноту, провалы в памяти, даже запах крови.

Но оно никак не объясняло мои пальцы.

Они были чужими.

Тоньше, чем мои. Длиннее. С бледными ногтями, отполированными до перламутрового блеска. На запястьях — широкие браслеты из тёмного металла. Один холодный, второй горячий. Между ними тянулась красная нить, обмотанная вокруг обеих рук так туго, что под кожей пульсировала боль.

Я дёрнулась.

Нить натянулась и обожгла.

— Тише, госпожа.

Голос прозвучал сбоку — тонкий, испуганный, девичий. Я резко повернула голову и едва не упала: мир качнулся, шёлковая ширма поплыла, а за ней проступили пятна света — фонари, десятки фонарей.

Рядом со мной стояла девочка.

На первый взгляд — лет тринадцать, может четырнадцать. Маленькая, сухонькая, в сером халате с широкими рукавами. Волосы убраны в две небрежные петли, глаза слишком большие для узкого лица. Рыжеватые. Почти янтарные.

А над её головой торчали уши.

Настоящие. Острые. Лисьи.

Я закрыла глаза.

Открыла.

Уши остались на месте.

Девочка заметила мой взгляд и втянула голову в плечи, как будто я могла ударить её за то, что она существует.

— Госпожа, не надо так смотреть. Я ничего не трогала. Клянусь хвостом, ничего.

Из-под её халата действительно выглянул пушистый хвост — один, нервно вздрагивающий, рыжий с белым кончиком. Я медленно вдохнула.

«Хорошо. Паника позже. Сначала факты».

Эта мысль была такой привычной, что на секунду я почти успокоилась. Я всегда так делала: в суде, в полиции, в кабинетах опеки, в квартирах, где женщины говорили шёпотом, потому что муж мог вернуться раньше. Сначала факты. Потом эмоции. Эмоции мешают видеть лазейки.

Факт первый: я была не в машине.

Факт второй: я была не в больнице.

Факт третий: у девочки рядом со мной были лисьи уши.

Факт четвёртый: мои руки были чужими.

Факт пятый: это уже выходило за рамки неврологии.

— Где я? — спросила я.

Голос тоже был чужой.

Мягче моего. Ниже, бархатнее, с лёгкой хрипотцой, будто это тело недавно плакало или кричало. Я никогда так не звучала. Мой голос был сухим, адвокатским, натренированным перебивать мужчин в дорогих костюмах так, чтобы они сами не поняли, как уступили слово.

Девочка побледнела.

— Госпожа?

— Где я? — повторила я чётче. — Что это за место? Кто вы? Почему у меня связаны руки?

Она открыла рот, но за ширмой раздался удар гонга.

Не громкий. Низкий. Такой звук мог бы поднять из могилы даже того, кто умер от усталости и был счастлив наконец-то выспаться.

Снаружи заговорили.

Голоса были разные: шепелявые, певучие, хриплые, шелестящие. Одни звучали слишком низко, другие — слишком высоко. Кто-то смеялся. Кто-то скрёб ногтями по дереву. Кто-то дышал так, будто у него вместо лёгких был меховой мешок.

Девочка вздрогнула.

— Уже пора.

— Куда пора?

Она посмотрела на меня с таким ужасом, будто я спросила, почему небо наверху, а земля внизу.

— Повторить клятву, госпожа.

— Какую клятву?

У девочки задрожали губы.

— Брачную.

Я замерла.

Слово упало между нами тихо, но ударило сильнее гонга.

— Брачную, — повторила я.

— Да, госпожа.

— Чью?

Девочка отступила на полшага.

— Вашу.

Я посмотрела на красную нить. На браслеты. На чужие пальцы. На шёлк вокруг, на вышитые тени.

И внезапно вспомнила последнее, что было моим.

Дождь. Настоящий, московский, ледяной. Стекло автомобиля, по которому размазывались фары встречной машины. Телефон на соседнем сиденье. Непрочитанное сообщение от клиентки: «Арина Сергеевна, он забрал Соню. Вы обещали, что суд не отдаст ему ребёнка».

Я помнила, как набрала номер.

Помнила, как руль вывернуло из рук.

Помнила белый удар подушки безопасности.

И голос в голове — не мой, чужой, женский, очень усталый:

«Пожалуйста. Ты умеешь расторгать браки. Расторгни мой».

Я схватилась за край ширмы, чтобы не упасть.

— Моё имя, — сказала я. — Как меня зовут?

Девочка вдруг заплакала. Тихо, почти беззвучно. Слёзы покатались по щекам, но она не всхлипнула, не закрыла лицо. Будто боялась, что даже плач может стать нарушением приказа.

— Мэй Лин, — прошептала она. — Вас зовут Мэй Лин.

Нет.

Я хотела сказать это сразу. Резко, грубо, как в суде, когда свидетель начинает путаться в заранее выученной лжи. Нет. Моё имя — Арина Белова. Тридцать два года. Семейный юрист. Москва. Разводы, опека, брачные договоры, раздел имущества. Аллергия на мёд. Шрам на колене с девяти лет. Мама звонила по воскресеньям, даже когда мы ссорились. Отец никогда не извинялся.

Но губы не послушались.

Потому что где-то глубоко внутри тела, под рёбрами, имя «Мэй Лин» отозвалось болью.

Не моей.

Чужой.

Такой острой, что я на секунду перестала дышать.

— Госпожа, — девочка сделала шаг ко мне и тут же отпрянула, будто вспомнила, что касаться меня опасно. — Пожалуйста. Только повторите. Не спорьте сегодня. Он и так...

Она осеклась.

— Кто — он?

Девочка отвела глаза.

За ширмой снова ударил гонг.

Ткань передо мной дрогнула, и я увидела сквозь неё тени людей — хотя нет, не людей. Слишком высокие силуэты. Слишком узкие головы. У некоторых за плечами поднимались крылья. У некоторых шевелились хвосты. У одного тень вообще не совпадала с телом: она сидела на полу, когда хозяин стоял.

Меня начинало трясти.

Не от страха даже. От злости.

Это было спасительно. Страх растворяет кости, превращает человека в вещь. Злость собирает позвоночник обратно.

— Послушай меня, — сказала я девочке. — Я не знаю, что здесь происходит. Я не знаю, кто такая Мэй Лин. Я не знаю, почему я в её теле. Но я точно знаю одно: никакую брачную клятву я повторять не буду.

Девочка вскинула на меня глаза.

— Вы уже повторяли.

— Значит, повторять тем более не буду.

— Госпожа...

— Как тебя зовут?

Она замялась.

— Сая.

— Сая, если у вас тут хоть какое-то подобие закона, клятва, данная человеком в состоянии дезориентации, не может считаться действительной.

Она моргнула.

— Что?

— Это значит: я не подписываю документы, пока не поговорю с адвокатом.

Сая издала странный звук — что-то между всхлипом и нервным смешком.

— С адвокатом?

— С любимым местным аналогом человека, который объяснит мне мои права.

— У жён Хозяина Тени нет прав, — прошептала она.
Вот теперь стало по-настоящему тихо.

Даже дождь в моей голове будто замер.

— Повтори, — сказала я.

Сая сжалась.

— Я не должна была...

— Повтори.

Она зажмурилась.

— У жён Хозяина Тени нет прав. Есть милости. Есть обязанности. Есть условия договора. Но прав... — Она сглотнула. — Простите, госпожа.

Я медленно посмотрела на красную нить между запястьями.

Горячий браслет пульсировал, будто внутри него билось маленькое сердце.

— Тогда у нас проблема, — сказала я.

— У нас? — Сая посмотрела на меня почти с отчаянной надеждой.

— Да. У нас. Потому что я очень плохо реагирую на фразу «нет прав».

Снаружи раздался третий удар гонга.

Ширма передо мной поползла в сторону сама — без рук, без скрипа. Красная ткань раскрывалась медленно, как рана.
Свет ударил в глаза.

Зал был огромным.

Я видела такие залы только в старых зданиях судов, где потолки специально делали высокими, чтобы человек чувствовал себя маленьким, виноватым и заранее проигравшим. Но здесь потолок терялся в темноте. С него свисали сотни бумажных фонарей — красных, белых, чёрных. Внутри некоторых горело пламя. Внутри других плавали лица.

Пол был чёрным и блестящим, как вода ночью. В нём отражались фигуры гостей.

Нечисть.

Слово пришло само — не из моего опыта, из памяти тела.

Вдоль стен сидели существа в праздничных одеждах. Лисы с человеческими лицами. Женщины с глазами рыб. Старики в масках воронов. Бледные юноши, прозрачные настолько, что сквозь них было видно резные колонны. Высокие мужчины с рогами, обмотанными золотыми цепями. Кто-то улыбался. Кто-то смотрел с ненавистью. Кто-то — с голодом.

И в центре зала стоял он.

Муж.

Я поняла это раньше, чем кто-то назвал его. Не разумом — телом. Чужое сердце споткнулось, сжалось и вдруг ударило так сильно, будто хотело разбить грудную клетку изнутри.

Высокий. Неподвижный. В чёрном халате с узкими серебряными узорами по вороту. Длинные волосы собраны низко, почти небрежно, но эта небрежность стоила, наверное, труда

трёх слуг. Лицо спокойное, красивое, слишком правильное для живого человека. Глаза тёмно-золотые, узкие, холодные.

За его спиной лежала тень.

Не падала от света. Именно лежала. Как зверь. Большая, тёмная, с неровными краями. И когда я сделала шаг, тень подняла голову.

Меня повело.

Не от ужаса.

От узнавания.

Тело Мэй Лин знало его. Знало запах дыма и снега. Знало линию его плеч. Знало, как он молчит, когда злится. Знало даже эту крошечную складку между бровями — единственный знак, что за ледяным лицом что-то живое всё-таки ломается.

Я стиснула зубы.

«Нет. Это не моё».

Мужчина смотрел на меня без единого движения.

Потом сказал:

— Мэй Лин.

Голос был низким, ровным и таким спокойным, что от него стало холодно.

Имя снова ударило под рёбра.

Я выпрямилась.

— Я не Мэй Лин.

По залу прошёл шёпот.

Сая за моей спиной пискнула так тихо, что почти никто

не услышал.

Мужчина не изменился в лице.

— Сегодня не время для ваших игр.

— А для чего время? — спросила я. — Для принудительной клятвы?

Шёпот стал громче.

Где-то слева кто-то рассмеялся — влажно, неприятно, как будто в горле у него перекачивались монеты.

Мужчина медленно сделал шаг ко мне.

Тень за его спиной не пошла следом. Она осталась на месте и продолжала смотреть.

— Вы помните, где находитесь?

— Нет.

— Удобно.

— Не особенно.

В зале кто-то ахнул.

Я слышала, как Сая за моей спиной едва дышит.

Мужчина остановился в трёх шагах. Близко, но не настолько, чтобы коснуться. И всё равно мне пришлось заставить себя не отступить: от него исходил холод. Не физический — другой. Как от закрытой двери, за которой кто-то очень давно перестал просить о помощи.

— Вы стоите в Зале Первой и Последней Клятвы, — сказал он. — Перед Ночным Двором. Перед Советом старших родов. Перед своим супругом. И перед договором, который уже был нарушен вами однажды.

— Прекрасно, — сказала я. — Тогда пусть Совет старших родов заодно предоставит мне копию договора, перечень обвинений и возможность оспорить действительность клятвы.

Он замолчал.

Не потому, что растерялся. Нет. Скорее потому, что услышал в знакомом голосе незнакомую интонацию.

Я видела, как его взгляд скользнул по моему лицу. По глазам. По губам. По рукам, связанным красной нитью.

Горячий браслет на запястье вдруг стал ещё горячее.

— Кто вы? — спросил он почти беззвучно.

Этот вопрос был опаснее всех предыдущих.

Потому что в нём не было презрения. Только мгновенная, острая, невыносимо человеческая трещина.

Я могла соврать. Сказать: не помню. Сказать: я больна. Сказать: объясните, и тогда посмотрим.

Но я слишком долго работала с людьми, которые начинали с маленькой лжи, а потом удивлялись, почему их жизнь стала чужим документом.

— Меня зовут Арина Белова, — сказала я. — Я не знаю, как оказалась в этом теле. Я не знаю, кто такая Мэй Лин. Но я не ваша жена.

Зал взорвался.

Не криком — шёпотом. Он поднялся волной, прокатился по стенам, зашуршал в рукавах, заскрёб когтями по полу.

— Чужая душа...

— Подмена...

— Паразит...

— Казнить...

— Изгнать...

— Сжечь тело до очищения...

Сая всхлипнула.

Мужчина не обернулся к залу. Не поднял руки. Не повысил голос.

Просто сказал:

— Молчать.

И все замолчали.

Сразу.

Даже фонари будто перестали потрескивать.

Я поняла очень простую вещь: он не был просто мужем. Не был просто каким-нибудь местным аристократом, который привык получать женщин вместе с землями и долгами.

Он был властью.

Не символом власти. Не должностью.

Самой властью, стоящей в человеческом облике и умеющей приказывать тишине.

Он смотрел на меня долго. Так долго, что я успела пересчитать удары собственного сердца.

Потом произнёс:

— Вы утверждаете, что не являетесь Мэй Лин?

— Утверждаю.

— И не признаёте брачный договор?

— Не признаю без изучения его условий.

— И не признаёте меня своим супругом?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

Тело Мэй Лин дрожало. Хотело опустить взгляд. Хотело вспомнить. Хотело, страшно сказать, шагнуть к нему ближе.

Я удержала его на месте.

— Не признаю.

Его лицо осталось спокойным.

Только тень за спиной дёрнулась, будто её ударили.

— В таком случае, — сказал он, — повторная клятва откладывается.

Сая за моей спиной едва слышно выдохнула.

Я тоже почти позволила себе облегчение.

Почти.

Потому что мужчина продолжил:

— До установления природы чужой души в теле моей жены.

Слово «моей» он произнёс без нажима. Но от этого оно прозвучало ещё хуже.

— Я не вещь, — сказала я.

— Вещи не предают.

Это было сказано тихо.

И почему-то ударило сильнее любой угрозы.

Внутри меня что-то отозвалось — не согласие, нет. Боль. Старая, глубокая, чужая. Будто где-то на дне этого тела женщина по имени Мэй Лин слышала его голос и снова захлебнулась тем, что не смогла сказать.

Я сжала пальцы.

Красная нить обожгла кожу.

— Если вы считаете меня предательницей, — сказала я,
— вам тем более выгодно расторгнуть брак.

В зале снова стало тихо.

На этот раз не из-за его приказа.

А потому что слово прозвучало.

То самое.

Я видела, как несколько существ у стен подались вперёд.
Как женщина с рыбьими глазами прикрыла рот веером. Как
старик в вороньей маске медленно повернул голову. Как Сая
за моей спиной словно перестала быть живой.

Мужчина смотрел на меня.

— Что вы сказали?

— Я требую развод.

Тишина стала такой плотной, что её можно было резать
ножом и подавать на золотых тарелках.

Потом кто-то рассмеялся.

Один.

Второй.

Третий.

Смех разошёлся по залу, как болезнь. Одни смеялись от-
крыто, другие прятали лица за рукавами. Кто-то шипел. Кто-
то стучал когтями по полу. Кто-то повторял: «Развод... она
требует развод... с ним...»

Я стояла посреди чужого суда, в чужом теле, со связанны-

ми руками, и впервые за всё это безумие почувствовала что-то похожее на ясность.

Вот оно.

Не фонари с лицами. Не лисьи уши. Не живая тень. Не чужое имя под кожей.

Вот это было знакомо.

Мужчины, семьи, суды, советы, родня, свидетели, чиновники, священные традиции, древние правила — все они одинаково смеялись, когда женщина впервые произносила слово «развод» вслух.

В моём мире смеялись тише. Дороже. Юридически аккуратнее.

Но смысл был тот же.

«Куда ты пойдёшь?»

«Кто тебе поверит?»

«Ты сама подписала».

«Ты сама выбрала».

«Ты разрушишь семью».

«Ты пожалеешь».

Я подняла подбородок.

— Что смешного?

Смех начал стихать.

Мужчина напротив не смеялся.

Ни секунды.

Он смотрел на меня так, будто я не потребовала свободы, а открыла могилу, которую он годами засыпал собственными руками.

— Развод с Хозяином Тени невозможен, — произнёс старик в вороньей маске слева. — Брак скреплён тенью, памятью и первой кровью.

— Любой договор имеет условия расторжения, — ответила я.

Старик повернул голову.

— Не любой.

— Тогда это не договор. Это рабство с красивой печатью.

Сая издала звук, похожий на подавленный писк.

Кто-то в зале прошипел: «Дерзость».

Мужчина поднял руку, и шёпот снова умер.

Он подошёл ещё на шаг.

Теперь я видела тонкий шрам у него на горле. Белую линию, уходящую под ворот. Почему-то от этого шрама стало трудно дышать.

— Вы требуете развод, — сказал он.

— Да.

— На каком основании?

Я почти усмехнулась.

Вот теперь мы говорили на понятном языке.

— На основании отсутствия осознанного согласия, возможной подмены личности, удержания против воли, сокрытия условий договора и факта, что я не являюсь стороной, подписавшей первоначальное соглашение.

Он молчал.

Я добавила:

— Для начала.

В его глазах что-то мелькнуло.

Не веселье. Нет. Но, может быть, тень интереса.

Очень опасного интереса.

— Вы говорите как судебник.

— Семейный юрист.

— Что это?

— Человек, который помогает людям расторгать браки с чудовищами.

На этот раз тишина была идеальной.

Где-то упала чашка. Тонко звякнула о чёрный пол и рассыпалась на белые осколки.

Сая за моей спиной прошептала:

— Ой.

Мужчина смотрел на меня.

Потом вдруг чуть наклонил голову — не поклон, нет. Скорее движение существа, которое рассматривает нож, обнаруженный у себя под рёбрами.

— С чудовищами, — повторил он.

— Не всегда буквально. Но сейчас я готова расширить

практику.

Его тень зашевелилась.

Я должна была испугаться. Наверное. Любой нормальный человек испугался бы.

Но я была слишком зла.

На этот зал. На чужое тело. На красную нить. На то, что где бы женщина ни очнулась — в московской квартире, в суде, в машине после аварии или в магическом зале с нечистью, — первым делом ей снова приходилось доказывать, что она имеет право уйти.

Мужчина поднял руку.

Я подумала, что он ударит.

Он не ударил.

Он коснулся красной нити между моими запястьями.

Боль вспыхнула мгновенно. Резкая, жгучая. Нить накалилась, браслет на правой руке впился в кожу, и перед глазами на секунду потемнело.

Зал исчез.

Я увидела снег.

Белый сад. Чёрное небо. Мужчина — этот же мужчина — стоит у раскрытых ворот. Перед ним женщина в красном плаще. Я не видела её лица, но знала: Мэй Лин.

Он держит её за руку.

Нет.

Не держит.

Отпускает.

— Иди, — говорит он. Голос другой. Сорванный. Живой.

— Не оглядывайся.

Женщина плачет, но улыбается.

— Когда забудешь, — шепчет она, — попроси меня жить.

— Я не забуду.

— Все так говорят перед тем, как их заставляют.

Видение оборвалось.

Я снова стояла в зале.

Дыхание сбилось. Запястье горело. Мужчина всё ещё держал нить, но теперь смотрел на неё так, будто увидел то же самое.

Может быть, увидел.

Потому что его лицо впервые изменилось.

Совсем немного.

Но для него, кажется, это было равносильно крику.

— Что это было? — спросила я хрипло.

Он отпустил нить.

— Память договора.

— Чья память?

Он не ответил.

— Чья? — повторила я.

Старик в вороньей маске резко поднялся.

— Господин Кагэро, церемонию необходимо завершить.

Присутствие чужой души подтверждено. Тело младшей жены должно быть изолировано, а затем очищено согласно...

— Нет, — сказал мужчина.

Старик замолчал.

Теперь я знала его имя.

Кагэро.

Хозяин Тени.

Мой предполагаемый муж.

Он повернулся к залу.

— Церемония окончена.

— Но договор...

— Окончена.

Одно слово — и сотни существ склонили головы.

Кагэро снова посмотрел на меня.

— Вы хотите развод.

— Хочу.

— Вы не первая.

Моя кожа похолодела.

Он сделал шаг ближе и сказал так тихо, что услышала, кажется, только я:

— Вы уже просили об этом, Мэй Лин.

— Я не Мэй Лин.

— Тогда передайте ей, если она всё ещё прячется внутри.

— Его глаза стали почти чёрными. — Я уже отпустил её.

Сердце ударило раз.

Второй.

Третий.

— Тогда почему я здесь? — спросила я.

Кагэро посмотрел на браслет на моём запястье. На алый

след под ним. На тонкий шрам, пересекающий вену.

И в его спокойствии вдруг появилась такая усталость, что на миг он перестал казаться чудовищем.

— Вот именно, жена моя, — сказал он. — Почему?

Глава 2 Жена, которую вернули

Меня вывели из зала не под руки.

Хуже.

Передо мной расступались.

Никто не касался моего плеча, не хватал за локоть, не толкал в спину. Даже стражники в чёрных масках, похожих на птичьи черепа, держались на расстоянии двух шагов, будто я была не пленницей, а чашей с ядом, которую нельзя расплескать. За мной семенила Сая, почти бесшумная, с поджатым хвостом и таким лицом, словно она каждую секунду ожидала, что мне всё-таки отрубят голову, а ей велют подмести.

Кагэро шёл рядом.

Не впереди. Не позади. Именно рядом — достаточно близко, чтобы все видели: я под его властью. И достаточно далеко, чтобы не коснуться.

Красная нить между моими запястьями исчезла сразу после объявления церемонии оконченной, но браслеты остались. Правый всё ещё был горячим. Левый — ледяным. От их контраста мутило сильнее, чем от чужого тела.

Я шла по длинному коридору с чёрными полами, в которых отражались фонари и лица. Иногда в отражении мелькало то, чего не было наверху: чужие руки на моих плечах, разрезанное горло, женская фигура в красном плаще, стоящая у ворот под снегом.

Я старалась не смотреть вниз.

— Это изоляция? — спросила я.

Кагэро не повернул головы.

— Это сопровождение.

— Добровольное?

— Нет.

— Тогда это изоляция.

Он чуть замедлил шаг. Совсем немного. Настолько, что заметила бы не всякая, но я слишком хорошо знала мужчин, которые считают паузы частью власти.

— Вы всегда называете вещи неприятными именами?

— Только когда вещи пытаются притвориться другими вещами.

Сая тихонько втянула воздух за моей спиной.

Кагэро не ответил.

Мы прошли мимо ряда высоких окон. За ними не было ни сада, ни двора, ни привычного ночного неба. Только дождь — густой, чёрный, как тушь, — падал на город, который казался нарисованным на влажной бумаге. Крыши с загнутыми углами, мосты, красные фонари, башни, тонкие как иглы. По улице внизу двигалась карета без лошадей. Её тянули четыре тени.

Я остановилась.

Стражники тоже остановились. Сая едва не врезалась мне в спину.

— Где я? — спросила я, не отрывая взгляда от окна.

— В Ночном Дворе, — сказал Кагэро.

— Это город?

— Это владение.

— Страна?

— Договор.

Я повернулась к нему.

— В вашем мире даже география юридически токсична?

Он посмотрел на меня.

— В моём мире всё, что не закреплено договором, рано или поздно пожирают.

— Кто?

За его плечом шевельнулась тень.

Не та, что падала от света. Другая. Густая, живая, выжидающая.

— Те, кому не дали имени, — сказал Кагэро.

На секунду мне показалось, что он говорит не о городе.

Потом в конце коридора открылись двери.

Покои Мэй Лин оказались не темницей. От этого стало только хуже.

Комнаты были слишком красивыми.

Три зала, соединённые лёгкими резными перегородками. Низкая кровать под серебряным пологом. Лаковые шкафы. Ширмы с изображением белых лис в саду. Большое круглое окно, за которым чёрный дождь стекал по стеклу так медленно, будто не хотел падать. На полу — мягкие циновки, на столе — фарфоровый чайник, рядом тонкие чашки, одна

треснутая.

Всё здесь было подобрано со вкусом человека, который очень хорошо знал, что любит хозяйка.

И всё было мёртвым.

В вазе стояли сухие ветки с бумажными цветами. На подушке лежал гребень, но в его зубьях не было ни одного волоса. В углу — музыкальная шкатулка с открытой крышкой; внутри застыла маленькая фигурка танцовщицы без лица.

Я вошла первой.

Слуги — трое женщин и один старик с прозрачными пальцами — поклонились так низко, будто надеялись исчезнуть в полу. Одна из женщин дрожала. Другая держала поднос с полотенцами и смотрела не на меня, а на мои руки. Старик прятал за спиной связку ключей.

— Все вон, — сказала я.

Они не двинулись.

Конечно.

Я сжала зубы.

— Я сказала: выйдите.

Женщина с подносом побледнела до синевы, но всё равно не шевельнулась. Её взгляд метнулся к Кагэро.

Вот так.

Даже в моих, вернее, не моих покоях мой голос ничего не значил, пока его не подтвердит мужчина.

Кагэро заметил.

Не мог не заметить.

— Оставьте нас, — произнёс он.

Слуги исчезли почти мгновенно. Только Сая осталась на пороге, растерянная и несчастная, будто не знала, кем ей выгоднее притвориться — мебелью или пылью.

— Ты тоже, — сказал Кагэро.

Уши Саи поникли.

Я неожиданно для себя сказала:

— Нет. Она останется.

Кагэро медленно перевёл на меня взгляд.

— Вы отдаёте распоряжения в моём доме?

— Я выбираю единственное существо, которое хотя бы пытается отвечать на мои вопросы.

— Сая лжёт чаще, чем дышит.

— Отлично. Значит, у нас с ней профессиональная совместимость. Я работала с бракоразводными делами.

Сая издала звук, похожий на подавленное «ик».

Кагэро смотрел на меня слишком долго. Потом сказал:

— Остаься.

Сая тут же поклонилась так резко, что едва не стукнулась лбом о косяк.

Двери закрылись.

В комнате стало тихо.

И эта тишина была опаснее зала. В зале на меня смотрели сотни глаз, но там я хотя бы понимала формат: публичный конфликт, давление, демонстрация власти. Здесь же нас осталось трое: я, лисья девочка и мужчина, которого чужое

тело знало слишком хорошо.

Я отошла к столу и посмотрела на треснутую чашку.

У неё была тонкая золотая склейка по боку. Не скрытая, наоборот — подчёркнутая. В моём мире это называли бы красиво: кинцуги, философия трещин, искусство ремонта. Здесь трещина почему-то выглядела как предупреждение.

— Мне нужны ответы, — сказала я.

— Мне тоже, — ответил Кагэро.

— Начните первым. У вас преимущество: вы хотя бы знаете правила.

Он снял перчатки.

Очень медленно.

На его пальцах были чёрные линии, похожие на письма или шрамы. Они уходили под рукава, пересекали кожу, будто кто-то когда-то зашивал его изнутри тёмной нитью.

— Ваше имя?

— Я уже сказала.

— Полное.

— Арина Сергеевна Белова.

Браслет на правой руке нагрелся.

Кагэро заметил.

— Мир?

— Земля.

— Город?

— Москва.

— Род?

— Человеческий, если вы об этом.

— Способность?

— Составлять иски, выводить людей из созависимых браков и не убивать оппонентов после третьей лжи подряд.

Сая тихонько кашлянула в кулак.

Кагэро не улыбнулся. Конечно.

— Вы не понимаете, насколько опасно ваше положение.

— Напротив. Я понимаю достаточно. Я в чужом теле, в чужом мире, в браке, которого не заключала, среди существ, половина которых предлагала меня сжечь. Я бы сказала, положение ясное.

— Они предлагали очистить тело Мэй Лин.

— Какая утончённая разница.

— Для них — существенная.

— А для меня нет.

Его взгляд стал холоднее.

— Тело принадлежит моей жене.

— Тело сейчас занято мной.

— Именно это и делает вас угрозой.

Я усмехнулась. Не потому, что было смешно. Потому что иначе голос мог сорваться.

— Удобно. Я угроза, Мэй Лин предательница, а вы, разумеется, просто несчастный хранитель порядка.

Он подошёл ближе.

Слишком близко.

Тело Мэй Лин отреагировало раньше, чем я успела при-

казать ему стоять спокойно. Сердце сбилось. Пальцы дрогнули. Под кожей вспыхнула паническая, постыдная, нежная память: его рука на затылке, запах снега, голос у виска — «ещё немного, я держу».

Я отступила.

Кагэро заметил и остановился.

В его глазах мелькнуло что-то резкое. Не торжество. Скорее боль, которую он тут же задушил.

— Вы чувствуете её память.

— Я чувствую физиологическую реакцию чужого тела.

— Называйте как хотите.

— Спасибо, я так и планировала.

Он отвёл взгляд к окну.

Дождь за стеклом усилился. Чёрные капли стекали так плотно, что город почти исчез.

— Мэй Лин вернули три дня назад, — сказал он. — На границе Двора. Без сознания. С повреждённой тенью и пустой памятью последних месяцев.

Сая опустила голову.

— Кто вернул?

— Ворота.

— Ворота?

— Ночной Двор возвращает то, что связано с ним договором.

— Людей или имущество?

Кагэро посмотрел на меня.

— Вы снова называете вещи неприятными именами.

— Вы снова не отвечаете.

Он молчал.

Я поняла: ответ мне не понравится.

— То есть Мэй Лин пыталась уйти, — сказала я. — Двор вернул её обратно. И после этого вы решили провести повторную клятву.

— Повторная клятва стабилизирует брачный договор.

— А если жена не согласна?

— Согласие уже было дано.

— Когда?

— При заключении первого брака.

— И с тех пор его можно использовать сколько угодно?

Как доверенность без срока действия?

Сая смотрела на меня так, будто я говорила на языке, который одновременно смешной, страшный и запрещённый.

Кагэро произнёс:

— В Ночном Дворе клятва не стареет.

— Зато люди меняются.

— Мэй Лин не человек в полном праве.

Эти слова повисли между нами.

Я медленно выпрямилась.

— Что значит — не человек в полном праве?

Сая зажмурилась.

Кагэро будто пожалел, что сказал это. Но не отступил.

— Она человек-договорница. Её имя вписано в Ночной

Двор. Её тень связана с моей. Её жизнь закреплена брачным законом.

— Красиво. А теперь без церемониальных кружев: она принадлежит вам?

— Нет.

Слишком быстро.

Впервые — слишком быстро.

Я шагнула к нему сама.

— Тогда кому?

Он ничего не ответил.

И вот это молчание было ответом.

Не ему. Договору. Двору. Системе. Тому самому невидимому механизму, который был старше любви, старше выбора и, вероятно, старше совести.

Я почувствовала странный холод в груди.

Не страх.

Понимание.

В моём мире тоже говорили: «Она не принадлежит мужу». Конечно нет. Просто без его подписи она не могла продать квартиру. Без его согласия вывезти ребёнка. Без его денег нанять нормальную защиту. Без его настроения спокойно спать.

Формально свободна.

Практически — в клетке.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда я хочу видеть договор.

Кагэро посмотрел на меня так, будто я попросила у него

сердце на блюде.

— Нет.

— Почему?

— Вы не выдержите.

— Я читала брачные соглашения на сорок страниц мелким шрифтом, где один пункт обязывал женщину возвращать подарки за «недостаточную супружескую благодарность». Поверьте, мой болевой порог высок.

— Это не бумага, Арина Белова.

Моё имя в его голосе прозвучало неправильно.

Слишком точно.

Я сжала край стола.

— Не называйте меня так.

— Почему?

— Потому что вы не имеете права на моё имя.

Он замер.

На этот раз я попала.

Не в его гордость. Глубже. В какой-то закон, который здесь, видимо, был не метафорой.

Сая пискнула:

— Госпожа...

Кагэро медленно опустил взгляд на мои браслеты.

— Вы быстро учитесь.

— Я всю жизнь этим занималась.

— Чем?

— Понимала, где человек пытается получить больше

прав, чем ему дали.

Он молчал.

Потом протянул руку.

Не ко мне. К правому браслету.

Я отступила.

— Не трогайте.

Он остановил пальцы в воздухе.

— Если браслет начнёт закрепление без контроля, вам будет больнее.

— Это должно меня успокоить?

— Нет.

— Тогда зачем сказали?

Кагэро впервые выглядел почти раздражённым.

— Потому что вы задаёте вопросы даже тогда, когда разумнее молчать.

— Профессиональная деформация.

Браслет вдруг сжался.

Я согнулась от боли.

Не закричала — только потому, что воздух выбило из лёгких. Металл на запястье стал раскалённым, кожа под ним будто вспыхнула. На полу под ногами проступил красный круг: линии, символы, тонкие росчерки, похожие на подписи.

Сая бросилась ко мне, но тень Кагэро выросла между нами.

— Не подходи, — резко сказал он.

— Ей больно!

— Я вижу.

— Так сделайте что-нибудь!

В её голосе было столько отчаянной злости, что я сквозь боль почти удивилась. Маленькая, перепуганная, лживая Сая вдруг смотрела на правителя Ночного Двора так, будто готова была вцепиться ему в горло.

Кагэро опустился передо мной на одно колено.

Тело Мэй Лин вздрогнуло.

Не от страха.

От воспоминания.

Снег. Ворота. Он на коленях. Его ладонь поверх её руки.

«Иди».

— Смотрите на меня, — приказал он.

— Пошли вы...

— Арина.

Я всё-таки подняла глаза.

Его лицо было близко. Слишком близко. В зрачках — золотые трещины, а за ними что-то тёмное, огромное, запертое.

— Не слушайте браслет, — сказал он.

— Что значит — не слушайте?

— Он будет убеждать вас, что вы согласны.

Боль на мгновение стала такой сильной, что я почти перестала понимать слова.

А потом услышала.

Не ушами.

Внутри.

Тёплый женский голос, похожий на мой новый голос,
только мягче:

«Я согласна».

Нет.

«Я подтверждаю».

Нет.

«Я возвращаюсь».

Нет.

«Я жена Хозяина Тени».

Нет.

Я вцепилась ногтями в ладонь так сильно, что кожа лопнула. Кровь выступила тонкой красной линией.

— Я не давала согласия, — выдохнула я.

Браслет сжался сильнее.

— Я не давала согласия.

Красный круг на полу вспыхнул.

Кагэро потянулся к моей руке. На этот раз я не успела отстраниться. Его пальцы легли поверх браслета — холодные, твёрдые, почти неживые.

Боль не исчезла.

Но стала очерченной. Как если бы кто-то загнал пожар в железную клетку.

— Повторите, — сказал он.

— Что?

— Своё имя.

— Арина Белова.

— Ещё.

— Арина Сергеевна Белова.

— Ещё.

— Арина Сергеевна Белова. Москва. Земля. Семейный юрист. Не Мэй Лин. Не ваша жена. Не сторона этого договора.

Браслет дёрнулся.

По металлу проступили буквы.

Не чернила. Не гравировка. Ожог.

Символы сложились в строку, которую я почему-то понимала, хотя никогда не видела этого языка.

СОГЛАСИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

Я замолчала.

Кагэро тоже.

Сая закрыла рот обеими руками.

Браслет остыл так резко, что кожу обожгло холодом.

На запястье осталась красная полоса. А поверх неё — тонкие чёрные знаки, будто договор писал прямо по мне.

Кагэро медленно убрал руку.

Я смотрела на надпись.

«Согласие подтверждено».

После всего, что я сказала.

После имени. После отказа. После боли. После прямого отрицания.

Мой голос прозвучал тихо:

— Это невозможно.

Кагэро поднялся.

Его лицо снова стало спокойным. Но теперь я уже знала: это не отсутствие чувств. Это крышка на кипящей воде.

— В Ночном Дворе, — сказал он, — невозможное обычно означает, что кто-то очень хорошо спрятал условие.

— Чьё согласие он подтвердил?

Он посмотрел на браслет. Потом на меня.

И впервые не ответил сразу.

За окном чёрный дождь ударил по стеклу так сильно, будто кто-то бросил в него горсть камней.

Сая прошептала:

— Госпожа Мэй Лин однажды сказала... что если договор говорит за тебя, значит, в нём спрятали твой крик.

Я повернулась к ней.

— Что?

Она побледнела, словно сама испугалась собственных слов.

Кагэро резко произнёс:

— Сая.

Лисьи уши прижались к голове.

— Я ничего не говорила, господин.

— Говорила, — сказала я.

Сая отступила на шаг.

— Нет. Нет, я соврала. Я всегда вру. Все знают.

Но теперь я смотрела уже не на неё.

На столе, рядом с треснутой чашкой, лежал тонкий белый конверт.

Раньше его там не было.

Или я не заметила.

На конверте не было ни печати, ни имени. Только маленькое бурое пятно в углу — засохшая кровь.

Я потянулась к нему.

Кагэро перехватил моё запястье прежде, чем я коснулась бумаги.

Не больно.

Но так, что остановил сразу.

— Не открывайте.

— Почему?

— Потому что это может быть ловушка.

— Всё вокруг ловушка. Конкретизируйте.

Его пальцы чуть сильнее сомкнулись на моей руке.

Тело Мэй Лин снова предательски дрогнуло. Не от боли. От памяти прикосновения.

Я ненавидела это тело в тот момент.

И жалела его.

Кагэро смотрел на конверт так, будто видел не бумагу, а лезвие.

— Потому что почерк на нём, — сказал он, — ваш.

Я посмотрела.

На белой поверхности медленно проступали тонкие крас-

ные линии. Буквы выводились сами, будто невидимая рука писала изнутри бумаги.

Не почерком Арины Беловой.

Чужим.

Но пальцы мои — нет, пальцы Мэй Лин — узнали его раньше глаз.

Одна фраза.

Короткая.

Неровная.

«Если ты читаешь это, значит, я снова не смогла остаться собой».

Глава 3 Не моё тело

Я смотрела на письмо, пока буквы не начали расползаться.

«Если ты читаешь это, значит, я снова не смогла остаться собой».

Снова.

Вот какое слово было самым страшным.

Не «если». Не «не смогла». Не даже «собой».

Снова.

Значит, это уже случилось. Значит, Мэй Лин знала, что её можно потерять, стереть, вытащить из собственного тела, как вытаскивают шпильку из причёски. Значит, где-то между её первой просьбой о разводе и моим пробуждением за брачной ширмой была не одна катастрофа, а цепочка. Аккуратная, юридически оформленная, с печатями, свидетелями и, вероятно, уважительными причинами.

Кагэро всё ещё держал моё запястье.

Не сильно. Но достаточно, чтобы я помнила: он может остановить меня одним движением.

— Отпустите, — сказала я.

Он не сразу повиновался.

В его лице снова не было ничего. Ни злости, ни страха, ни удивления. Только эта невыносимая неподвижность человека — нет, существа, — которое слишком давно привыкло не показывать, где болит.

Потом пальцы разжались.

На моей коже остался холодный след.

— Не читайте это без свидетеля, — сказал он.

— Почему? Вдруг письмо тоже попытается женить меня на вас повторно?

Сая у двери тихо икнула.

Кагэро посмотрел на неё. Та мгновенно втянула голову в плечи и стала похожа на провинившегося котёнка с лисьими ушами.

— Письма памяти, — произнёс он, — не всегда показывают правду. Иногда они показывают то, что человек хотел считать правдой.

— Очень удобно для вашей системы.

— Для любой системы.

В этом он, к несчастью, был прав.

Я взяла конверт двумя пальцами. Бумага была тёплой. Пульсировала, как кожа на запястье под браслетом. В углу бурело засохшее пятно крови, и мне совсем не хотелось думать, чьей.

— Я прочту его, — сказала я.

— Прочтёте, — согласился Кагэро. — Но не сейчас.

— Вы запрещаете?

Он посмотрел прямо на меня.

— Я предупреждаю.

— А разница?

— Запрет я бы обеспечил силой.

От такой честности легче не стало.

Он направился к двери, но у порога остановился.

— Сая останется с вами до рассвета. Не выходите из покоев. Не снимайте браслет. Не смотрите в большое зеркало после полуночи. И если услышите свой голос из другой комнаты — не отвечайте.

Я медленно повернула голову к Сае.

— Это список бытовых рекомендаций или угрозы?

— У нас это часто одно и то же, госпожа, — прошептала она.

Кагэро открыл дверь. За ней стояли стражники в птичьих масках. Их тени были приколоты к полу тонкими серебряными гвоздями.

— Кагэро, — сказала я.

Он замер.

Впервые я назвала его по имени. Не «вы», не «господин», не «мой предполагаемый муж». Просто — Кагэро.

Тело Мэй Лин отозвалось мгновенно: болью под рёбрами, теплом в горле, почти слезами. Я ненавидела это. Ненавидела беспомощную нежность, которую не выбирала.

— Что с ней случилось? — спросила я. — С Мэй Лин.

Он не обернулся.

— Если бы я знал, вас бы здесь не было.

Дверь закрылась.

Щёлкнул замок.

Не громко. Но достаточно, чтобы комната сразу стала

клеткой.

Некоторое время я стояла неподвижно, с письмом в руке. Сая тоже не двигалась. Только её хвост нервно подрагивал, выдавая всё, что лицо пыталось спрятать.

— Чай? — вдруг спросила она.

Я посмотрела на неё.

— Что?

— В таких случаях обычно предлагают чай. Или яд. Но яд господин запретил держать в ваших покоях после прошлого раза, так что остался чай.

— После какого прошлого раза?

Сая побледнела.

— Я пошутила.

— Плохо.

— Я плохо шучу, когда боюсь.

— Ты всё время боишься.

— Значит, я всё время плохо шучу.

Она сказала это так быстро и так несчастно, что я неожиданно устала злиться.

Я положила письмо на стол, но не выпустила из виду. Потом подошла к круглому зеркалу у стены. Большому. Тому самому, в которое, по словам Кагэро, не стоило смотреть после полуночи.

В отражении была женщина, которую я не знала.

Мэй Лин.

Лет двадцать четыре, может двадцать пять. Узкое лицо,

тёмные глаза с лёгким разрезом век, бледная кожа, родинка под левым глазом. Волосы — чёрные, длинные, тяжёлые, распушенные после церемонии. Губы чуть припухшие, будто их недавно кусали. На шее тонкий след, похожий то ли на ожог, то ли на след от красной нити.

Я подняла руку.

Женщина в зеркале подняла тоже.

Не я.

Я попыталась найти в отражении хоть что-то своё. Прищур. Выражение рта. Привычку держать подбородок, когда надо не распасться. Нашла только глаза. Не цвет — цвет был чужой. Взгляд. Холодный, оценивающий, злой от бессилия.

— Госпожа? — осторожно позвала Сая.

— Не называй меня так.

— Как же мне вас называть?

Я открыла рот.

Арина.

Скажи: Арина.

Но в этом мире имя было не просто именем. Кагэро слишком ясно отреагировал, когда я сказала, что он не имеет права на моё имя. Здесь имена были ключами. Верёвками. Ошейниками. Не стоило разбрасывать своё по комнатам, где зеркалам запрещено отвечать после полуночи.

— Пока никак, — сказала я.

Сая кивнула, будто это был совершенно нормальный ответ.

Я осторожно расстегнула верх чужого свадебного халата. Ткань соскользнула с плеч с сухим шёпотом. Сая пискнула и отвернулась.

— Я должна осмотреть тело, — сказала я. — Тело, в котором нахожусь.

— Я не смотрю!

— Ты служанка.

— Я трусливая служанка.

— Заметно.

Я развернулась боком к зеркалу.

Шрамы были везде.

Не грубые, не свежие. Тонкие, почти незаметные, как следы от бумажных порезов. На запястьях — круги от браслетов. На ключице — три маленькие точки. Под грудью — длинная линия, словно кто-то пытался вскрыть не тело, а спрятанный внутри документ. На внутренней стороне левого предплечья — белый шрам в форме незавершённого иероглифа.

Я коснулась его.

Комната исчезла.

На миг.

Только на миг.

Чужая рука держит иглу. Не обычную — длинную, чёрную, с ушком, в котором продета дымная нить. Голос Саи, сорванный от плача:

«Не надо, госпожа, это больно».

И ответ — мягкий, усталый, мой новый голос, но не мой:
«Если не пришить тень сейчас, утром я забуду, зачем хотела уйти».

Я отдёрнула руку.

— Что это? — спросила я.

Сая обернулась слишком быстро.

— Что?

— Шрам. Здесь.

Она посмотрела, и вся кровь ушла с её лица.

— Ничего.

— Сая.

— Правда ничего.

— Ты врёшь?

— Да, — выпалила она. — То есть нет. То есть я вру, но не про то, что вы думаете.

— Удивительно полезный ответ.

Она закусила губу, хвост метался из стороны в сторону.

— Это след от пришивания тени.

Я медленно вдохнула.

— Объясни.

— Когда тень повреждена, её можно пришить обратно. Иногда. Если она ещё помнит хозяина.

— А если не пришить?

— Человек начинает терять... кусочки. Сначала сны. Потом голос. Потом лицо. Потом имя.

Я посмотрела на отражение Мэй Лин.

— Она пришивала себе тень?

Сая молчала.

— Сая.

— Я не должна говорить.

— Кто запретил?

Её губы задрожали.

— Она.

Это оказалось хуже, чем если бы она сказала «Кагэро».

Я закрыла халат и подошла к шкафам. Нужно было двигаться. Действие спасает от паники лучше любых дыхательных практик.

В первом шкафу висели одежды: красные, белые, чёрные. Слишком красивые. Во втором лежали коробки с украшениями. Некоторые шевелились, когда я открывала крышки. Один серебряный гребень тихо заплакал, и я закрыла его обратно.

В третьем шкафу нашлась узкая шкатулка без замка.

Внутри лежала игла.

Чёрная. Длинная. Та самая.

Рядом — катушка дымной нити, маленькая лисья маска с трещиной на лбу и высохший цветок, завернутый в полоску бумаги.

Сая за моей спиной всхлипнула.

— Это не надо трогать.

— Почему?

— Потому что вы прятали это от себя.

Я замерла.

— От себя?

— От той себя, которая просыпалась после переписывания.

Слова были тихие. Почти неслышные. Но теперь она сказала их прямо.

— Переписывания чего?

Сая зажала рот рукой, будто пыталась затолкать слова обратно.

Я медленно поставила шкатулку на стол.

— Сая, послушай меня внимательно. Я не Мэй Лин. Я не знаю, что она тебе запретила. Я не знаю, чего ты боишься. Но если она действительно оставила это для себя, а теперь вместо неё здесь я, значит, мне нужно понимать, что происходит.

— Вы говорите как она, когда злилась, — прошептала Сая.

— Это хорошо или плохо?

— Страшно.

Я усмехнулась без веселья.

— Значит, хоть что-то у нас общее.

Маска в шкатулке была детской. Белая лисья мордочка, красные линии у глаз, трещина через лоб. С внутренней стороны кто-то вывел крошечные символы. Я не умела их читать, но пальцы Мэй Лин знали, как держать маску: осторожно, почти нежно.

— Чья она?

Сая молчала.

— Твоя?

Хвост дёрнулся.

Ответ.

— Мэй Лин помогла тебе?

Сая отвернулась к окну.

— Госпожа Мэй Лин никому не помогала.

— Ты опять врёшь.

— Да.

— Почему?

— Потому что если я скажу, что помогала, мне придётся
помнить.

В комнате стало очень тихо.

Я села на край кровати. Не потому, что захотела. Ноги
внезапно стали ватными.

Письмо лежало на столе. Белое. Тёплое. С одной проявив-
шейся фразой. Остальная бумага оставалась пустой.

Я взяла иглу.

Нить в её ушке шевельнулась, потянулась к моему запя-
стью, как живая. Я тут же положила иглу обратно.

— Прекрасно, — сказала я. — У меня есть муж, который
уже отпускал меня, но почему-то держит. Браслет, который
подтверждает согласие после отказа. Тело женщины, кото-
рая пришивала себе тень, чтобы что-то не забыть. Служанка,
которая врёт из чувства самосохранения. И письмо, которое,

вероятно, написала прежняя хозяйка тела самой себе.

— Когда вы так говорите, звучит плохо, — заметила Сая.

— Потому что это плохо.

— Может, чай?

Я посмотрела на неё.

Она жалобно добавила:

— Без яда.

И почему-то именно это меня почти добило.

Я рассмеялась.

Коротко. Сухо. Так, как смеются люди на грани истерики, когда мозг выбирает смех, потому что крик был бы слишком честным.

Сая смотрела на меня испуганно.

— Простите, — сказала я. — Это не из-за тебя.

— Из-за него?

Я поняла, кого она имеет в виду.

— Нет. Из-за меня.

Я снова посмотрела в зеркало.

Мэй Лин смотрела в ответ. Красивая, бледная, разбитая, упрямая. Женщина, которая, судя по всему, пыталась оставить себе подсказки на случай, если её сотрут. Женщина, которую все называли предательницей. Женщина, чьё тело помнило руки Кагэро и боль от пришитой тени.

— Я не ты, — сказала я отражению.

Сая замерла.

Я подошла ближе к зеркалу.

— Слышишь? Я не ты. Я не знаю, любила ли ты его. Не знаю, предавала ли. Не знаю, почему позвала меня. Но я не буду жить твоими решениями.

Отражение молчало.

А потом по стеклу изнутри медленно прошла трещина.

Не настоящая. Тонкая, светлая линия — как дыхание на холодной поверхности.

На зеркале проступили слова.

Не кровью.

Инеем.

«Тогда прими первое своё».

Я не успела спросить — что.

Браслет на правой руке раскрылся.

Не снялся. Именно раскрылся, как челюсть. Металл разошёлся на две половины, и изнутри выпала маленькая чёрная пластинка, тонкая, как ноготь.

Она упала мне в ладонь.

На ней было выгравировано одно слово.

Я не знала языка.

Но поняла смысл.

«Доказательство».

Сая тихо заскулила.

— Что это? — спросила я.

Она смотрела не на пластинку.

На мою тень.

Я опустила глаза.

На полу у моих ног тень Мэй Лин дрожала, как живая. И рядом с ней, тонкая, почти незаметная, проступала вторая. Моя.

— Вот теперь, — прошептала Сая, — они точно захотят вас убить.

Глава 4 Первое условие развода

— Вот теперь, — прошептала Сая, глядя на мою вторую тень, — они точно захотят вас убить.

Я тоже смотрела вниз.

На полу у моих ног лежала тень Мэй Лин: тонкая, изломанная, будто её не отбрасывало тело, а кто-то нарисовал кистью по воде. Рядом с ней проступала другая — едва заметная, сероватая, неправильная. Она не повторяла позу тела. Когда я подняла руку, тень Мэй Лин подняла тоже. Вторая — осталась неподвижной.

Моя.

Наверное.

За последние сутки слово «моё» стало подозрительным.

— Почему? — спросила я.

Сая моргнула.

— Что — почему?

— Почему они захотят меня убить не час назад, когда я объявила себя чужой душой в теле жены их правителя, а именно теперь?

Она посмотрела на меня так, будто я спрашивала, почему масло горит.

— Потому что теперь это видно.

— Потрясающая правовая система. Пока преступление невидимо — терпим. Как только появилось доказательство

— казним доказательство.

Сая сжалась.

— Вы не преступление.

— Очень мило с твоей стороны.

— Вы — нарушение.

— Уже хуже.

Я присела и осторожно коснулась второй тени пальцами.

Холод ударил в ладонь так резко, будто я опустила руку в ледяную воду. В голове вспыхнуло: белый потолок машины, запах бензина, мокрый асфальт, телефон с разбитым экраном. Женский голос: «Расторгни мой». Потом всё исчезло.

Я отдёрнула руку.

— Значит, это действительно я.

— Не трогайте её! — Сая кинулась вперёд, но остановилась за шаг до меня. — Если тень ещё слабая, её можно... можно...

— Что?

Она сглотнула.

— Забрать.

Я медленно выпрямилась.

Пластинка с надписью «Доказательство» лежала в моей ладони. Маленькая, чёрная, тонкая. Не документ. Не ключ. Скорее метка. В моём мире доказательства пахли бумагой, пылью архива, дешёвыми чернилами, иногда — страхом клиента. Здесь доказательство могло выпасть из браслета, как зуб из пасти.

— Значит, прятать это бессмысленно, — сказала я.

— Очень даже осмысленно! — Сая почти подпрыгнула.

— Можно закрыть окна, затушить лампы, не вставать рядом с водой, не смотреть в зеркала, не выходить на чёрный пол...

— И сидеть в комнате, пока кто-нибудь решит, что делать с моей тенью?

— Да!

— Нет.

Сая зажмурилась.

— Я так и знала, что вы это скажете.

— Тогда зачем спорила?

— Надеюсь, что ошибаюсь.

Я завернула пластинку в край бумажного конверта и спрятала во внутренний карман халата. Письмо Мэй Лин оставалось на столе. Я не стала его открывать. Не из послушания Кагэро — мне просто не нравились документы, которые сами выбирают момент для чтения.

— Мне нужна аудиенция, — сказала я.

— У кого?

Я посмотрела на неё.

Сая побледнела.

— Нет.

— Да.

— Господин Кагэро не принимает по требованию.

— Значит, пусть начнёт.

— Вы не понимаете. К нему нельзя просто прийти и ска-

зять: «Здравствуйте, я ваша жена, но не ваша жена, и у меня выросла отдельная тень».

— Почему? Мне кажется, это отличное вступление.

— Госпожа!

— Не называй меня так.

Она замолчала. Уши опустились.

Я смягчила голос, хотя давалось это с трудом.

— Сая. Я понимаю, ты боишься. Но сейчас у нас есть факт. Вторая тень доказывает, что я не просто повреждённая память Мэй Лин. Я отдельная сторона. А если я отдельная сторона, меня нельзя удерживать по договору, который я не заключала.

Сая смотрела на меня всё более растерянно.

— Вы правда думаете, что если сказать это достаточно уверенно, закон испугается?

Я взяла со стола треснутую чашку, налила в неё остывший чай и сделала глоток. Горький. С травяным привкусом дыма.

— Иногда да.

Через десять минут мы стояли перед дверью.

Вернее, я стояла. Сая пыталась слиться со стеной.

Стражники в птичьих масках не двигались. Их тени, приколотенные серебряными гвоздями, дрожали от каждого моего шага.

— Мне нужно видеть Кагэро, — сказала я.

Один из стражников медленно повернул голову.

— Хозяин Тени не давал позволения покидать покои.

— Я и не прошу позволения покинуть покои. Я требую передать ходатайство о срочной аудиенции.

— Ходатайство? — переспросил второй.

— Да. Устное, поскольку письменных принадлежностей мне не предоставили. Зафиксируйте нарушение отдельно.

Оба молчали.

Сая тихо прошептала:

— Они не умеют фиксировать нарушения. Они умеют фиксировать людей.

— Видно.

Первый стражник положил ладонь на рукоять короткого чёрного клинка.

— Вернитесь внутрь.

Я подняла правую руку.

На запястье всё ещё темнела надпись: «Согласие подтверждено». Ниже, под кожей, проступала красная полоса. Надо было бояться. Но ярость, как всегда, оказалась практичнее.

— Передайте вашему господину, что у его жены появилась вторая тень.

Оба стражника застыли.

Даже Сая перестала дышать.

— И добавьте, — сказала я, — что если он не явится сам, я выйду в коридор и покажу её первому встречному члену Совета. Судя по вчерашнему залу, у них здоровый интерес к моему уничтожению. Пусть хотя бы начнут с соблюдения процедуры.

Тишина.

Потом одна из приколоченных теней оторвала от пола тонкую руку и исчезла под дверью, как чёрная вода в щели.

Сая прошептала:

— Вы только что отправили стражевую тень к Хозяину.

— Хорошо.

— Это не было просьбой. Это было... почти оскорблением.

— Ещё лучше. Быстрее придёт.

Он пришёл быстро.

Не через дверь.

Сначала в комнате потемнел угол. Потом тень под шкафом вытянулась, расползлась по полу и поднялась вертикально, будто кто-то развернул чёрное полотно. Из него вышел Кагэро.

Без плаща. В тёмном халате, застёгнутом у горла. Волосы собраны так же безупречно, как вчера. На лице — ни следа сна, усталости или раздражения.

Только глаза стали темнее.

— Вы угрожали показать Совету вторую тень, — сказал он.

— Нет. Я уведомила о намерении использовать доступное доказательство.

— Это называется угроза.

— У вас — возможно. У меня — процессуальная позиция.

Сая за моей спиной издала еле слышный звук, похожий на молитву.

Кагэро перевёл взгляд на пол.

Вторая тень по-прежнему была рядом с тенью Мэй Лин. От его взгляда она дрогнула, словно живая.

Он молчал дольше, чем мне понравилось.

— Ну? — спросила я.

— Это осложняет дело.

— Моё существование вообще, кажется, многих осложняет.

— Не только ваше. — Он наконец посмотрел на меня. — Вторая тень означает, что Ночной Двор признал вас отдельной душой внутри брачного тела.

— Значит, я не являюсь стороной брачного договора.

— Нет.

Я почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Что значит — нет?

— Именно то, что я сказал.

— Обоснуйте.

Кагэро чуть прищурился.

— Вы требуете от меня обоснований?

— Да. Желательно без мистического тумана и выражения лица «я древний, поэтому прав».

Сая закрыла глаза.

Но Кагэро не рассердился. Или не показал.

— В Ночном Дворе договор привязывается не только к

душе, — сказал он. — К имени. К тени. К памяти. К телу. К крови. Брак с Мэй Лин заключён по трём основаниям: тень, память и первая кровь. Ваше появление отменяет часть памяти, но не отменяет тело и кровь.

— То есть вы признаёте, что моя память не принадлежит договору.

— Признаю.

— Отлично. Тогда клятва, требующая осознанного согласия, не может быть подтверждена мной.

— Она уже была подтверждена браслетом.

— После прямого отказа.

— Значит, браслет опирался на более старое согласие.

— Не моё.

— Тела.

Я рассмеялась.

Коротко. Неприятно.

— Вы сейчас серьёзно утверждаете, что тело может дать согласие вместо личности?

— Я утверждаю, что закон Двора считает так.

— Тогда закон Двора юридически болен.

— Возможно.

Это «возможно» выбило меня сильнее, чем спор.

Я ожидала ледяной уверенности. Приговора. Властного «таков порядок». А он сказал это спокойно, почти устало. Как человек, который давно знает, что дом гниёт, но всё ещё живёт внутри, потому что если выйти — крыша упадёт на

остальных.

— Если вы это понимаете, почему поддерживаете?

— Потому что некоторые клетки держат не пленников, а чудовищ.

На мгновение стало тихо.

За окном всё так же падал чёрный дождь.

— Неназываемый, — сказала я.

Имя пришло из обрывков вчерашних объяснений, из страха Саи, из того, как тень Кагэро шевелилась у него за спиной.

Сая вздрогнула так, будто я произнесла ругательство.

Кагэро не изменился в лице.

— Не называйте его без необходимости.

— Почему? Он придёт?

— Он услышит.

Очень хотелось ответить резко. Но я промолчала.

Впервые за разговор.

Кагэро подошёл к окну. Его отражение в стекле отстало от движения на долю секунды. Сначала повернулась тень, потом он.

— В моей тени заперта сущность, которая пожирает имена, — сказал он. — Пока брачный договор цел, печать держится. Пока печать держится, Ночной Двор существует. Если брак будет расторгнут неправильно, Неназываемый выйдет.

— И поэтому Мэй Лин должна была остаться женой?

— Поэтому Мэй Лин сама согласилась стать якорем.

— А потом попросила развод.

Он ничего не ответил.

— И вы уже отпускали её, — добавила я.

Его пальцы на мгновение сжались.

Очень слабо. Но я увидела.

— Вы видели обрывок памяти.

— Достаточно ясный.

— Память договора не всегда показывает весь смысл.

— Любимое оправдание всех, кто не хочет давать документы.

Он повернулся ко мне.

— Вы хотите документы?

— Я хочу свой брачный договор. Полностью. Со всеми условиями, приложениями, скрытыми пунктами, свидетелями и основанием расторжения.

— Вы не выдержите полного договора.

— У вас уже была эта реплика. Она по-прежнему не является аргументом.

— Полный брачный договор хранится в Зеркальном архиве. Его нельзя просто вынести и положить на стол.

— Почему?

— Потому что он хранит не текст.

— А что?

— Момент согласия.

Мне стало холодно.

Сая тихо опустилась на край кресла, будто ноги её больше не держали.

— То есть, чтобы увидеть договор, мне придётся пережить согласие Мэй Лин?

— И своё отрицание. И то, что между ними спрятано.

— Хорошо.

— Нет, не хорошо.

— Кагэро, — сказала я устало, — в моём мире у меня была клиентка, которая три года не могла уйти от мужа, потому что каждый документ, который должен был её защищать, был составлен так, чтобы держать её рядом. Она тоже подписывала. Тоже «соглашалась». Тоже якобы понимала условия. А потом оказалось, что за неё заранее решили, что её страх — это согласие, молчание — согласие, зависимость — согласие. Я не знаю, что случилось с Мэй Лин. Не знаю, что она выбрала. Но я знаю одно: если договор говорит вместо женщины, договор нужно вскрывать.

Он смотрел на меня долго.

Впервые — не как на предательницу. Не как на угрозу. Как на задачу, к которой у него не было готового решения.

— Есть одно условие, — сказал он.

— Для чего?

— Для рассмотрения развода.

У меня пересохло во рту.

— Говорите.

— Развод с Хозяином Тени невозможен, пока брак удерживается.

живает печать. Но если будет доказано, что сам договор заключён незаконно, Ночной суд обязан открыть дело. Даже против меня.

— Что считается доказательством незаконности?

— Подмена согласия. Принуждение. Переписывание памяти. Вмешательство третьей стороны. Ложная клятва свидетеля.

— Прекрасно. Где это доказывается?

— В Брачном отделе.

Сая тихо застонала.

Я обернулась.

— Что?

— Нет-нет, это хорошее место. Очень хорошее. Почти никто там не умирает в первый день.

— Почти?

— Я пытаюсь вас ободрить.

Кагэро продолжил, будто её не слышал:

— Полное название — Отдел брачных договоров, теневых союзов и посмертных обязательств. Там рассматривают незаконные браки, поддельные клятвы, похищенные имена, ложные истинные связи и брачные проклятия.

— То есть у вас всё-таки есть бракоразводная практика.

— У нас есть место, куда отправляют тех, чьи дела слишком грязны для обычного суда.

— Я работала в семейном праве. Меня сложно впечатлить грязными делами.

— Вы не видели брака с мёртвым ревнивцем в зеркале.

— У меня был клиент, который следил за бывшей через камеру в детском медведе. Поверьте, база у меня крепкая.

Сая моргнула.

— Через медведя?

— Долгая история.

Кагэро впервые за всё время почти усмехнулся.

Почти.

Это было так быстро, что я могла бы счесть тенью. Но тело Мэй Лин отозвалось теплом, и я тут же возненавидела эту реакцию.

— Тридцать дней, — сказал он.

— Что?

— Тридцать дней работы в Брачном отделе. Тридцать дней вы изучаете законы Двора, разбираете дела и собираете доказательства. Если после этого вы докажете незаконность брака — я открою вам доступ к полному договору и не стану препятствовать рассмотрению развода.

— А если не докажу?

— Повторная клятва будет завершена.

— То есть либо я за месяц доказываю, что ваш брак незаконен, либо меня окончательно вписывают в него.

— Да.

— Щедро.

— Это больше, чем получил бы кто-либо другой.

— Меня не интересует, насколько изысканно вы наруша-

ете права других. Меня интересуют условия.

— Вы получаете доступ к делам отдела. К общим законам. К ограниченной части архива. К свидетелям, если они согласятся говорить.

— И к своему договору?

— После тридцати дней.

— Нет.

Его взгляд стал жёстче.

— Нет?

— Мне нужен хотя бы предварительный доступ. Иначе это не сделка, а игра в темноте.

— Предварительный доступ убьёт вас.

— Вы часто повторяете это слово, когда хотите отказать.

— Потому что вы часто просите то, что может вас убить.

— Тогда дайте мне то, что не убьёт.

Он молчал.

Я достала из кармана чёрную пластинку.

— Это выпало из браслета. На ней написано «Доказательство». Я хочу знать, доказательство чего.

Кагэро взял пластинку.

Наши пальцы на миг соприкоснулись.

Перед глазами вспыхнул снег.

Не видение даже — ощущение: холодные ворота, рука, которую отпускают, и голос Мэй Лин: «Когда забудешь...»

Кагэро резко отдёргнул руку.

Пластинка осталась у него.

На его лице снова была неподвижность. Но теперь я знала, что это маска, надетая поверх шока.

— Это пропуск, — сказал он.

— Куда?

— В первый закрытый слой Брачного отдела.

Сая закрыла лицо ладонями.

— О нет.

Я посмотрела на Кагэро.

— Значит, Мэй Лин всё-таки оставила мне путь.

— Или ловушку.

— Разберусь.

— Сомневаюсь.

— Это ваша проблема.

— Нет, Арина Белова. — Он впервые произнёс моё имя полностью, и браслет на моей руке едва заметно нагрелся. — Теперь это наша проблема.

Мне не понравилось «наша».

Слишком легко оно прозвучало. Слишком опасно.

Я протянула руку.

— Верните пропуск.

Кагэро положил пластинку мне на ладонь.

— Завтра на рассвете вы явитесь в Брачный отдел.

— В качестве кого?

— Временного поверенного.

— Я не знаю ваших законов.

— Научитесь.

— Я не знаю ваших существ.

— Они сами вам объяснят, когда попытаются обмануть.

— А если я откажусь?

— Тогда останетесь здесь до повторной клятвы.

— Это принуждение.

— Да.

Сказано было без оправданий.

Я сжала пластинку в кулаке.

— Я принимаю не потому, что согласна. А потому, что вы оставили мне только одну процессуальную возможность.

— Зафиксировано.

От этого слова у меня по спине пробежал холод.

— Кем?

Кагэро посмотрел на мой браслет.

Металл на запястье потемнел. На коже под ним проступила новая строка.

Не «Согласие подтверждено».

Другая.

СРОК: ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ.

Сая тихо прошептала:

— Теперь договор услышал.

Кагэро направился к тени у стены, но перед тем как исчезнуть, остановился.

— И ещё, Арина Белова.

— Что?

— Первое дело уже ждёт вас.

— Какое?

Он посмотрел на мою руку, на браслет, на вторую тень у моих ног.

— Русалка без голоса требует развода с человеком, который продал её молчание как согласие.

Я медленно выдохнула.

Конечно.

Этот мир не собирался давать мне времени привыкнуть.

Кагэро исчез в тени.

А я осталась стоять посреди чужой комнаты, с чужим телом, второй тенью и тридцатью днями до клятвы, которая должна была превратить меня в жену окончательно.

Сая робко сказала:

— Всё могло быть хуже.

Я посмотрела на неё.

— Правда?

Она подумала.

— Нет. Я опять соврала.

Глава 5 Хозяйка архива

На рассвете дождь не закончился.

Он просто стал тише.

Чёрные капли больше не били в стекло, а скользили по нему тонкими жилами, будто город за окном медленно истекал тушью. В Ночном Дворе, как выяснилось, рассвет не означал солнце. Небо только чуть светлело у края крыш, делалось пепельным, мутным, как вода после мытья кистей. Фонари на улицах не гасли. Тени тоже.

Я почти не спала.

Точнее, тело Мэй Лин лежало на кровати под серебряным пологом, а я всю ночь слушала, как в стенах что-то шепчет.

Сначала мне казалось, это дождь. Потом я начала различать слова.

«Согласна».

«Возвращаюсь».

«Прошу забыть».

«Не верь...»

Последнее повторялось чаще всего. Иногда женским голосом. Иногда мужским. Иногда моим.

К утру я перестала пытаться понять, где заканчиваются звуки комнаты и начинаются нервы.

Сая принесла одежду.

— Для Брачного отдела нельзя красное, — сообщила она,

раскладывая на ширме несколько слоёв ткани. — Красное только для действующих клятв, казней и свадеб.

— Прекрасный набор.

— Белое нельзя тоже. Белое для тех, кто уже подал прошение о расторжении.

— Я подала.

— Вы потребовали. Это хуже.

— Почему?

Сая задумалась.

— Потому что прошение можно потерять. А требование обычно кому-нибудь портит день.

— Тогда цвет мне подходит.

Она покосилась на меня и положила сверху тёмно-серый халат с узким чёрным поясом. На рукавах — мелкая вышивка: не цветы, не птицы, а маленькие печати, похожие на закрытые глаза.

— Это временная одежда поверенного, — сказала она. — Господин прислал.

— Как заботливо.

— Он велел передать, что это не забота, а требование приличия.

— Ещё заботливее.

Сая нервно улыбнулась.

Я переоделась за ширмой и старалась не смотреть слишком долго на чужую кожу. Ночью я приняла решение: пока это тело живо и двигается, я обязана обращаться с ним как

с временно доверенным имуществом. Не моим. Но и не ничьим.

Внутри халата нашёлся карман. Я положила туда чёрную пластинку-пропуск, письмо Мэй Лин и иглу для пришивания тени. Сая, увидев иглу, побелела.

— Вы берёте это с собой?

— Да.

— Зачем?

— Потому что если человек прячет от себя иглу для пришивания тени, значит, однажды она уже ему понадобилась.

— Вы говорите ужасные вещи очень спокойно.

— Я юрист. Нас этому учат.

На самом деле нас учили другому: говорить спокойно, когда клиентка с синяком под глазом объясняет, что упала сама; когда судья раздражённо просит «не драматизировать»; когда мужчина в дорогом пальто улыбается и говорит, что жена «эмоционально нестабильна». Спокойствие — это не отсутствие ужаса. Это способ не отдать ужас противнику бесплатно.

За дверью ждали не вчерашние стражники.

Сегодня пришёл один слуга — высокий, прозрачный, настолько бледный, что за его лицом можно было различить узор коридорной стены. Вместо глаз у него были два тёмных мазка.

— Временный поверенный Мэй Лин, — произнёс он. — Вас ожидают в Зеркальном архиве.

— Не в Брачном отделе?

— Отдел не принимает тех, чьё имя не сверено.

Я посмотрела на Саю.

Она виновато развела руками.

— Я хотела сказать после завтрака.

— Почему не сказала до?

— Надеялась, что завтрак будет.

Завтрака не было.

Был длинный коридор, чёрный пол, маски стражников, лестницы, которые меняли направление, когда на них не смотришь, и окна, за которыми Куроаме — Чернодожде, как называли его те, кому хотелось меньше чужих слов, — просыпался без солнца.

Просыпался странно.

На мосту внизу женщина с лицом лисицы спорила с человеком без тени. У лавки напротив старик развешивал связки бумажных журавлей; каждый журавль шевелил крыльями и тихо плакал. По мокрой мостовой прошла карета без колёс. Её несло облако чёрных волос.

Я шла и запоминала.

Не потому, что привыкла к безумию. Нет. Просто если мир пытается тебя сожрать, полезно сначала изучить его зубы.

Зеркальный архив находился не во дворце.

Мы вышли через боковой переход в отдельное здание — круглое, низкое, почти не приметное. Оно стояло посреди

двора без деревьев. Вокруг него не было охраны. Это настояживало сильнее любой охраны.

Двери архива были сделаны из тёмного стекла. В них отражалась не я.

Вернее, не только я.

В одном отражении стояла Мэй Лин в красном свадебном халате. В другом — я в сером костюме, мокрая после московского дождя, с папкой в руках и разбитой губой. В третьем — женщина, лица которой я не успела рассмотреть: она плакала и держала перед собой браслет, как отрубленную руку.

— Не смотрите долго, — прошептала Сая.

— Почему?

— Архив решит, что вы выбираете.

— Что выбираю?

— Себя.

— А это запрещено?

Сая печально посмотрела на меня.

— Здесь всё самое опасное начинается с этого.

Прозрачный слуга приложил ладонь к стеклу. Двери раскрылись без звука.

Внутри не было полок.

Я ожидала архив: стеллажи, ящики, книги, папки, пыль, раздражённые хранители, которым все мешают. Зеркальный архив оказался пустым залом с бесконечными стенами из отражений. Зеркала были везде: на стенах, на потолке, в полу,

в воздухе. Некоторые висели под углом. Некоторые плавали, как окна в воде. В каждом двигались люди, которых не было рядом.

Кто-то подписывал договор кровью.

Кто-то целовал чужую руку.

Кто-то стоял у алтаря с пустыми глазами.

Кто-то говорил «да» так, будто его душили.

И все эти голоса шли слоями: шёпот, плач, смех, торжественные формулы, скрип перьев, звон браслетов.

Я остановилась.

— Здесь хранятся договоры? — спросила я.

— Нет, дорогая, — ответил мягкий голос. — Здесь хранятся причины, по которым люди однажды решили назвать клетку домом.

Женщина появилась между зеркалами так незаметно, будто была там всегда.

Она выглядела лет на сорок пять — если вообще можно было говорить о возрасте существа, которое двигалось слишком плавно для обычного человека. На ней был светлый халат цвета старой бумаги, без украшений, только у горла тонкая серебряная застёжка в форме замка. Волосы убраны низко, с безупречной простотой. Лицо мягкое. Глаза тёплые. Улыбка такая, какой встречают в доме, где давно ждали.

От неё становилось спокойнее.

И именно поэтому я сразу ей не поверила.

— Госпожа Ханами, — Сая поклонилась так низко, что

хвост лёг на пол.

— Маленькая Сая, — сказала женщина ласково. — Всё ещё врёшь, когда боишься?

— Нет, госпожа.

Ханами улыбнулась.

— Вот видишь.

Потом она посмотрела на меня.

Внимательно, без жадности, без неприязни. Как врач смотрит на снимок, уже зная диагноз.

— Мэй Лин.

— Арина.

Имя сорвалось прежде, чем я успела подумать.

Зеркала вокруг вздрогнули.

Сая резко подняла голову.

Я мысленно выругалась.

Ханами не изменилась в лице. Только улыбка стала чуть глубже.

— Так вы предпочитаете сейчас.

— Не предпочитаю. Так меня зовут.

— Вопрос имени в Ночном Дворе редко бывает настолько прост.

— Заметила.

— Вам больно?

Вопрос был неожиданным.

— Что?

— Браслет. Вторая тень. Чужая память. Обычно это боль-

но.

Она произнесла это так просто, почти по-матерински, что на секунду мне захотелось ответить честно.

Да. Больно.

Больно просыпаться в чужом теле. Больно чувствовать нежность, которую не выбирала. Больно слышать в стенах чужое «согласна». Больно стоять перед зеркалом и не находить собственного лица.

Я удержалась.

— Терпимо.

— Сильные женщины часто путают терпимо с невыносимо, которое ещё не убило.

— А мягкие хранительницы архивов часто начинают разговор с заботы, чтобы потом легче отказать?

Сая тихо втянула воздух.

Ханами рассмеялась.

Не обиделась. Не напряглась. Рассмеялась тихо, почти светло.

— Теперь понимаю, почему браслет проснулся так рано.

— Что это значит?

— То, что вы задаёте вопросы, на которые договоры не любят отвечать.

Она повернулась и пошла между зеркалами. Нам пришлось следовать.

Под ногами отражался не потолок, а какие-то другие комнаты: свадебные спальни, судебные залы, мосты, реки. В од-

ном отражении я увидела Кагэро. Он стоял спиной ко мне в белом саду. Перед ним была Мэй Лин. Я шагнула — и отражение исчезло.

Ханами заметила.

— Архив любит показывать то, что проситель хочет увидеть.

— Или то, чем его проще заманить.

— Иногда это одно и то же.

— Вы храните брачный договор Мэй Лин?

— Конечно.

— Я хочу его увидеть.

— Нет.

Ответ прозвучал мягко. От этого он не стал менее железным.

— На каком основании?

— На основании того, что вы умрёте, если попытаетесь войти в полный момент согласия без подготовки.

— Все вокруг очень заботятся о моей выживаемости, но почему-то никто не заботится о моём согласии.

Ханами остановилась у высокого овального зеркала. В нём отражалась не комната, а красная нить, натянутая между двумя руками.

— Согласие, дорогая, — сказала она, — самая опасная из человеческих иллюзий.

Я медленно повернулась к ней.

— Иллюзий?

— Люди любят верить, что выбирают свободно. Но выбор редко бывает свободным. Его тянут страхи, долги, голод, любовь, вина, дети, обещания, слабость, память. Если убрать всё это, от выбора часто ничего не останется.

— Удобная философия для тех, кто переписывает договоры.

Зеркала вокруг нас будто стали темнее.

Сая сделала шаг назад.

Ханами же смотрела на меня всё так же тепло.

— Вы думаете, что договоры лишают свободы. Иногда так и есть. Но иногда договор — единственное, что удерживает человека от падения в пасть тому, что больше его боли.

— И кто решает, когда клетка является защитой?

— Те, кто помнит цену открытых дверей.

— Вы?

— В том числе.

Я поняла: она опасна.

Не потому, что угрожает. Не потому, что выглядит сильной. А потому, что говорит так, словно уже простила тебе будущую ошибку. С такими людьми труднее всего спорить. Они не спорят — они скорбят о твоём непонимании.

— Мне нужен доступ к Брачному отделу, — сказала я. — И сверка имени.

— Да. Господин Кагэро направил распоряжение.

— Он не мой господин.

— Разумеется.

Ханами сказала это слишком легко.

— Что нужно для сверки?

— Признать, какое имя вы предъявляете Двору.

— Арина Белова.

— Полностью.

Я вспомнила реакцию Кагэро. Вспомнила, что имя здесь

— верёвка.

— Нет.

Ханами чуть наклонила голову.

— Без полного имени архив не выдаст вам временный статус.

— Тогда внесите меня как Арину.

— Здесь много Арин.

— Сомневаюсь.

— В зеркалах — больше, чем вы думаете.

Я сжала кулаки.

— Что будет, если я назову полное имя?

— Ничего, если никто не воспользуется им против вас.

— Вы сами слышите, как это звучит?

— Да.

— Тогда нет.

Она улыбнулась.

— Мэй Лин тоже торговалась.

Имя ударило в грудь.

— Я не Мэй Лин.

— Нет, — согласилась Ханами. — Но вы стоите в её те-

ле, держите её пропуск и несёте её незавершённый договор. Иногда этого достаточно, чтобы чужие дороги начали считать вас своей.

Она подошла к небольшому зеркалу в серебряной раме. Рама была покрыта царапинами. Не узорами — именно царапинами, как будто кто-то долго пытался выцарапать из металла слово.

— Есть иной способ, — сказала Ханами.

— Какой?

— Архив может принять не имя, а отказ.

— Отказ от чего?

— От ложного имени.

Зеркало потемнело. На его поверхности проступило отражение Мэй Лин — бледной, неподвижной, с закрытыми глазами.

— Положите ладонь на стекло, — сказала Ханами, — и скажите: «Я не та, кем меня называют».

— И всё?

— И всё.

Сая выглядела так, будто хотела закричать, но не могла. Я посмотрела на неё.

— Что не так?

— Я не знаю, — прошептала она.

— Врёшь?

— Да.

Ханами мягко произнесла:

— Маленькая лиса боится любых решений. Это её природа.

— Нет, — сказала я. — Это её опыт.

Улыбка Ханами не дрогнула, но что-то в воздухе изменилось.

Я положила ладонь на зеркало.

Холод прошёл сквозь кожу мгновенно. Не физический — смысловой. Как если бы стекло спросило не «кто ты», а «кого ты готова потерять».

Я увидела себя.

Не Мэй Лин.

А себя прежнюю: мокрые волосы, серый костюм, кровь на губе после аварии. Телефон в руке. Сообщение клиентки. Панель автомобиля, треснутое стекло. И глаза — усталые, злые, мои.

Потом отражение дрогнуло.

Позади меня появилась Мэй Лин.

Она стояла близко. Очень близко. Почти касалась лбом моего плеча. Губы её шевелились, но я не слышала слов.

Я могла отдёрнуть руку.

Не отдёрнула.

— Я не та, кем меня называют, — сказала я.

Зеркало вспыхнуло белым.

Боль прошла по запястью, по горлу, по рёбрам. Вторая тень у моих ног вытянулась, стала резче. Браслет на руке щёлкнул.

Не раскрылся.

Отступил на толщину волоса.

Но этого хватило, чтобы я впервые смогла вдохнуть полной грудью.

В зеркале появилась надпись:

ВРЕМЕННЫЙ СТАТУС: СТОРОНА НЕУСТАНОВЛЕННОГО ДОГОВОРА.

— Неплохо, — сказала я хрипло. — Звучит почти как должность.

Сая всхлипнула от облегчения.

Ханами смотрела на надпись очень внимательно.

Слишком внимательно.

— Любопытно, — произнесла она.

— Что именно?

— Архив не должен был признать вас стороной.

— Но признал.

— Да.

— Значит, я могу идти в Брачный отдел?

— Можете. Но осторожно. Дела, которые там ждут, редко бывают добры к тем, кто принимает чужую боль за юридическую задачу.

— Это вы сейчас о русалке без голоса?

Ханами подняла глаза.

— Господин Кагэро уже сказал вам?

— Да.

— Тогда он торопится.

— Или вы тянете время.

Мягкая улыбка вернулась.

— Я берегу Двор, дорогая.

— От меня?

— От свободы, которую вы можете перепутать со справедливостью.

Я убрала руку от зеркала.

На стекле остался отпечаток ладони. Не мой. Не Мэй Лин. Двойной.

Ханами приблизилась и очень бережно, почти нежно провела пальцами по отражению.

— Вы далеко от дома, — сказала она.

Я ничего не ответила.

Она повернула голову чуть набок, будто прислушиваясь к имени, которое не было произнесено.

— Арина Сергеевна.

Сая ахнула.

Я похолодела.

Не полностью.

Не «Белова».

Но достаточно близко.

— Я не называла вам отчество, — сказала я.

Ханами смотрела на меня мягко, печально, почти с сочувствием.

— Здесь, дорогая, всё когда-нибудь отражается.

В этот момент за её спиной в одном из зеркал я увидела

Кагэро.

Он стоял в тёмном коридоре и смотрел прямо на нас.

Не на Ханами.

На меня.

И по его лицу я поняла: он тоже услышал.

Глава 6 Тень, которая не слушается

Кагэро услышал моё отчество.

Я видела это по его лицу в зеркале.

Не по выражению — его почти не было, — а по тому, как тень за его плечом дрогнула и на миг расплзлась по отражённому коридору, будто чёрные чернила пролили в воду. Ханами сказала: «Арина Сергеевна», и в тот же миг Кагэро перестал быть просто наблюдателем.

Он стал свидетелем.

А в моём мире свидетелей делили на два типа: тех, кто может помочь, и тех, кто потом скажет, что ничего не видел.

К какому типу относился Хозяин Тени, я пока не знала.

Из Зеркального архива меня вывели через другой проход.

— Брачный отдел внизу? — спросила я у Саи.

— Не совсем.

— Вверху?

— Тоже не совсем.

— Сая.

Она виновато вздохнула.

— Брачный отдел находится там, где требуется. Но чаще всего — в восточном крыле Судебной башни.

— Прекрасно. Ведёшь меня туда?

— Нет.

— Почему?

— Потому что госпожа Ханами сказала сначала вернуться в покои.

— Ханами много чего сказала.

— Она хозяйка архива.

— А я временная сторона неустановленного договора, — напомнила я. — У меня статус.

Сая посмотрела на меня с тоской.

— Вы говорите «статус» так, будто это меч.

— В нормальной системе так и должно быть.

— В Ночном Дворе статус чаще похож на мишень.

Мы шли по узкому переходу между архивом и дворцом. Окна здесь были высокие, без рам; вместо стекла — тонкая пленка воды, по которой ползли отражения. Снаружи Куроаме дышал чёрным рассветом. Внизу уже открывались лавки: продавец в маске собаки развешивал фонарики, внутри которых бились крошечные светящиеся сердца; женщина без лица покупала у старика связку чужих снов; мальчик с прозрачными руками мыл ступени красной водой.

Город жил.

А меня снова собирались запереть в покоях.

Я остановилась.

Сая прошла ещё несколько шагов, потом обернулась.

— Что?

— Мы не идём в покои.

— Идём.

— Нет.

Она закрыла глаза.

— Я чувствовала, что рано или поздно вы это скажете. Просто надеялась, что поздно будет после завтрака.

— Мне нужно проверить границы.

— Какие границы?

— Дворца. Договора. Браслета. Моей второй тени. Выбери любое.

— Проверять границы здесь обычно означает умереть на красиво оформленном полу.

— Зато информативно.

Сая схватила себя за хвост, будто только так могла удержаться от паники.

— Госпожа... простите. Неназванная временная сторона. Пожалуйста. Вы не понимаете, где мы. После архива за вами будут смотреть.

— Кто?

— Все.

— Тогда пусть наслаждаются.

Я свернула к боковой лестнице, которую заметила ещё по пути: узкая, служебная, без фонарей, с влажными стенами. Если бы это был обычный дворец, по таким лестницам носили бы бельё, еду и слухи. Значит, они должны были вести не в парадные залы, а ближе к выходам.

Сая бросилась следом.

— Туда нельзя!

— Почему?

— Потому что там никто не ходит.

— Значит, хорошее место.

— Нет, плохое! Если в Ночном Дворе куда-то никто не ходит, обычно это потому, что оттуда не все возвращаются.

— Сая, мне нужно понять, что меня держит. Стража? Договор? Браслет? Кагэро? Сам Двор?

— Может, всё сразу?

— Вот и выясним.

Лестница оказалась длинной. Слишком длинной для здания, которое снаружи было не таким уж высоким. Мы спустились несколько минут, и с каждым пролётом воздух становился холоднее. Стены покрылись тонкой испариной. На них проступали отпечатки ладоней — маленьких, больших, человеческих, когтистых. Некоторые были свежими. Некоторые двигались, когда я на них не смотрела.

Браслет на руке молчал.

Вторая тень у ног стала резче.

Это было странно. В освещённых коридорах она едва держалась рядом с тенью Мэй Лин, а здесь, в полумраке, начала обретать плотность. Чужое тело шло впереди, но моя тень словно отставала на полшага, оглядываясь за меня.

— Она умнее нас, — прошептала Сая.

— Кто?

— Ваша тень.

— Не утешает.

На нижней площадке была дверь.

Не запертая. Просто старая, деревянная, с чёрной ручкой. На ней висела табличка, покрытая пылью. Я провела пальцем по надписи. Символы были незнакомые, но смысл вспыхнул в голове:

Северный выход. Не для живых.

— Ну конечно, — сказала я. — Почему бы и нет.

Сая вцепилась в рукав моего халата.

— Нельзя.

— Табличка дискриминирует живых.

— Она предупреждает живых!

— Я уже умирала. Возможно, подхожу по формальным признакам.

— Вы ужасная.

— Сосредоточенная.

Я взялась за ручку.

Браслет не нагрелся.

Договор не ударил током. Потолок не обрушился. Не явился Кагэро с выражением «я же говорил».

Дверь открылась.

За ней был коридор.

Длинный, серый, мокрый, без окон. По стенам тянулись ниши, в каждой стояла чашка с чёрной водой. В конце коридора виднелся слабый свет. Пахло сыростью, железом и чем-то сладковато-гнилым.

Сая прошептала:

— Это не выход.

— Уже поняла.

— Тогда назад?

Я посмотрела на запястье.

Никакой реакции.

— Ещё немного.

— «Ещё немного» — любимая фраза людей перед смертью.

— Запиши для статистики.

Мы пошли.

На пятом шаге чашки в нишах зазвенели.

На десятом — вода в них поднялась тонкими столбиками.

На пятнадцатом — за спиной захлопнулась дверь.

Сая всхлипнула.

— Я очень хочу сказать, что предупреждала.

— Скажешь позже.

— Позже может не быть.

— Тогда сейчас.

— Я предупреждала!

— Спасибо.

Она почти заплакала.

Я сделала ещё шаг — и увидела, что в конце коридора стоит человек.

По крайней мере, сначала я решила, что это человек.

Высокий, худой, в мокром сером халате. Руки длинные, пальцы почти до колен. Он стоял спиной к нам и слегка покачивался, будто слушал музыку, которую мы не слышали.

— Эй, — сказала я.

Сая зажала мне рот рукой.

И тут существо повернулось.

Лица у него не было.

Не маска. Не гладкая кожа. Именно отсутствие лица: пустое место, где должны быть глаза, рот, нос, выражение. Как будто кто-то взял человека и стёр главное, оставив тело выполнять привычку жить.

Чашки в нишах зазвенели громче.

Существо наклонило голову.

На его пустом лице начала проступать линия.

Сначала одна.

Потом вторая.

Оно рисовало себе рот.

Сая задрожала всем телом.

— Безымянный, — прошептала она. — Не слушайте его, если заговорит.

— У него пока нет рта.

— Он возьмёт чей-нибудь.

Существо сделало шаг.

Я отступила.

Браслет наконец нагрелся, но не болью — предупреждением. Вторая тень у моих ног резко вытянулась назад, словно пыталась утянуть меня к двери.

— Сая, — сказала я очень тихо, — медленно назад.

— Дверь закрыта.

— Значит, быстро назад.

Безымянный открыл рот.

Внутри была темнота.

Не пустота — именно темнота, густая, живая. Из неё до-
нёсся голос.

Мой.

— Арина Сергеевна.

Меня будто ударили в грудь.

Не потому, что имя. Потому что голос был мой прежний.
Не голос Мэй Лин, не мягкий, чужой, бархатный. Мой на-
стоящий. Сухой, усталый, московский.

— Арина Сергеевна, — повторило существо. — Он за-
брал Соню. Вы обещали.

Я перестала дышать.

Телефон. Дождь. Сообщение клиентки. «Он забрал Со-
ню». Я обещала. Да. Обещала, что суд не отдаст ребёнка.
Обещала, что договор можно оспорить. Обещала, что систе-
ма не позволит...

Система позволила.

Безымянный сделал ещё шаг.

— Вы обещали.

Сая дёрнула меня за рукав.

— Не отвечайте!

Но было поздно.

Не словами — внутри. Вина уже ответила.

Существо улыбнулось моим ртом.

И бросилось вперёд.

Я успела закрыть Саю собой. Глупо, инстинктивно, нерационально: маленькая лиса за моей спиной, чужое тело, вторые сутки в безумном мире — и всё равно я сделала то, что делала всегда. Встала между хищником и тем, кто слабее.

Тень Кагэро ударила раньше, чем Безымянный коснулся меня.

Она вырвалась не из стены, не из пола и даже не из моей тени. Из браслета. Чёрная, огромная, с неровными краями, как зверь из ночи. Она развернулась передо мной живым щитом, и коридор наполнился холодом.

Безымянный врезался в неё и закричал.

Теперь уже не моим голосом.

Голосов стало много: женские, детские, старческие, чужие. Они сыпались из его пустого рта, как битое стекло.

— Моё... имя... дай... дай...

Тень Кагэро не отступала.

Она закрывала меня полностью.

Не душила. Не держала. Не толкала обратно.

Защищала.

Я стояла в её холоде и не могла пошевелиться.

Потому что тело Мэй Лин вдруг перестало бояться.

Оно узнало эту тень.

Не как угрозу. Как одеяло, которым укрывали от ночного кошмара. Как ладонь на затылке. Как дверь, закрытую между тобой и смертью.

— Нет, — прошептала я.

Не Безымянному.

Телу.

Памяти.

Себе.

Тень Кагэро ударила снова. Безымянный отлетел к стене, рассыпался серой водой и втёк в одну из чашек. Все чашки в коридоре разом треснули.

Дверь позади нас распахнулась.

И появился Кагэро.

На этот раз он не вышел красиво из тени. Он ворвался, как человек, который бежал. Волосы выбились из ленты. На щеке — тонкая чёрная полоса, будто его задело собственной магией. Глаза почти не были золотыми; в них стояла тьма.

— Что вы сделали? — спросил он.

Сая пискнула:

— Это была не я!

Я всё ещё стояла за его тенью.

Она не исчезала.

Кагэро посмотрел на неё.

И впервые за всё время я увидела на его лице не контроль.

Я увидела ярость.

Не на меня.

На неё.

— Вернись, — сказал он тени.

Тень не двинулась.

Коридор стал ледяным.

Кагэро медленно вытянул руку.

— Я сказал: вернись.

Тень дрогнула.

Но осталась между мной и ним.

Сая прошептала что-то вроде молитвы.

Я сглотнула.

— Она вас не слушается.

Кагэро не ответил.

Его лицо снова становилось неподвижным, но теперь я уже видела, какой ценой. Чёрная полоса на щеке расплзлась тонкими трещинами к виску.

— Вы пытались сбежать, — сказал он.

— Я пыталась проверить границы.

— Через Северный выход.

— У него не было замка.

— На нём написано «не для живых».

— Я спорный случай.

— Вы могли погибнуть.

— В этом доме это, кажется, универсальный комментарий к любому действию.

Он сделал шаг вперёд.

Тень Кагэро — его собственная тень — глухо зарычала.

Я не знала, что тени умеют рычать.

Кагэро остановился.

В этот миг он выглядел не властителем, не чудовищем, не

мужем. Он выглядел человеком, которого предало последнее, что всегда ему подчинялось.

— Она защитила меня, — сказала я.

— Не должна была.

— Но защитила.

— Именно.

— Почему?

Он поднял глаза.

На секунду я увидела не Кагэро, а того мужчину из обрывка памяти: у снежных ворот, с рукой Мэй Лин в своей ладони, когда он отпускает и уже знает, что за это заплатит.

— Потому что это не просто моя тень, — сказал он.

Тень у моих ног шевельнулась. Вторая, моя, потянулась к ней, как тонкая нитка к пламени.

— А чья?

Кагэро молчал.

— Чья, Кагэро?

Он посмотрел на браслет на моей руке. Потом на тень, которая всё ещё стояла передо мной щитом.

И произнёс тихо, почти с ненавистью:

— Она не должна была вас помнить.

Глава 7 Судебная башня

В Судебную башню меня привели через час после того, как тень Кагэро отказалась его слушаться.

Час этот прошёл странно.

Кагэро почти ничего не сказал. Только велел Сае увести меня обратно в покои, запер Северный выход печатью, от которой даже стены покрылись инеем, и исчез — не в тени, а обычным способом, через дверь. Это почему-то выглядело тревожнее. Как будто ему нужно было остаться телом, а не распасться на власть.

Сая всё это время молчала.

Даже когда помогала мне сменить промокший по подолу халат. Даже когда принесла чай, который пах дымом и лунной полынью. Даже когда уронила чашку, потому что увидела: моя вторая тень теперь стала отчётливее и больше не пыталась прятаться за тенью Мэй Лин.

Я не торопила её.

Иногда молчание свидетеля говорит больше, чем допрос. Перед выходом она наконец произнесла:

— Не спорьте с Ренном.

— Кто это?

— Судебный обвинитель.

— Значит, я точно буду спорить.

— Он тэнгу.

— Это должно меня остановить?

— У него клюв под маской.

— Я работала с прокурорами. У некоторых клювы видны и без маски.

Сая застонала.

— Вы не понимаете. Господин Рэн ненавидит госпожу Мэй Лин.

— Отлично. Сегодня у него будет возможность расширить взгляды и начать ненавидеть меня как отдельную личность.

— Не шутите с ним.

— Я не шучу. Я готовлю процессуальную позицию.

Она посмотрела на меня так, будто «процессуальная позиция» была разновидностью самоубийства.

Наверное, в Ночном Дворе так и было.

Судебная башня стояла в восточной части дворца, хотя «стояла» было не совсем верным словом. Она росла. Из чёрного камня, из дождя, из старых клятв. Узкая, высокая, с острым шпилем, вокруг которого кружили птицы — не живые, а бумажные, с мокрыми крыльями и глазами из красных печатей.

Каменные ступени перед башней были вытерты тысячами ног. На каждой проступали фразы: «Обязуюсь», «Отрекаюсь», «Свидетельствую», «Не помню». Последняя встречалась чаще всего.

— Здесь рассматривают все дела? — спросила я.

— Нет, — сказала Сая. — Только те, где кто-то ещё может

умереть законно.

— Мило.

— Я старалась подобрать спокойное объяснение.

У входа нас ждали двое стражников и прозрачный слуга из архива. Кагэро не было.

Это меня почему-то разозлило.

Не то чтобы я хотела видеть своего предполагаемого мужа, чья тень только что спасла мне жизнь, а сам он выглядел так, будто собирался наказать её за предательство. Но после всех его «теперь это наша проблема» отсутствие выглядело слишком удобным.

— Хозяин Тени не присутствует? — спросила я.

Прозрачный слуга поклонился.

— Господин Кагэро ожидает решения суда.

— Со стороны?

— Сверху.

Я подняла голову.

Высоко над входом, за узким окном, стояла тёмная фигура.

Конечно.

Он всё-таки был здесь.

Просто выбрал место, где его нельзя было легко втянуть в спор.

— Мужская классика, — сказала я.

— Что? — не поняла Сая.

— Ничего. Идём.

Внутри башня оказалась похожа на суд только в самом неприятном смысле.

Высокий зал. Чёрный пол. Ряды скамей для свидетелей и наблюдателей. Вместо привычной кафедры — круглая площадка в центре, обведённая серебряной линией. Над ней висели три зеркала: одно отражало лицо, второе — тень, третье — пустоту позади человека.

На стенах были тысячи ниш с масками. Лисьи, птичьи, человеческие, демонические. Некоторые повернулись вслед за нами.

Я машинально отметила выходы.

Три двери. Два стражника у каждой. Окна слишком высоко. Пол скользкий. Центральная площадка, вероятно, ловушка.

Профессиональная привычка: в любом помещении сначала ищешь, куда бежать, потом — кто главный.

Главного я увидела сразу.

На возвышении у серебряного стола стоял мужчина в чёрной судебной мантии. Точнее, почти мужчина. Высокий, худой, с длинными тёмными волосами, убранными назад. Лицо закрывала воронья полумаска, но не декоративная — она словно вросла в кожу вокруг глаз. Из-под рукавов выглядывали пальцы с чёрными ногтями. За плечами угадывались сложенные крылья.

Он не сидел. Ждал.

И по тому, как весь зал повернулся к нему, я поняла: Рэн.

— Младшая жена Хозяина Тени, — произнёс он.

Голос был сухой, резкий, с металлическим оттенком. Такой голос хорошо подходит, чтобы читать обвинения и не спать по ночам.

— Временная сторона неуставленного договора, — поправила я.

По залу прошёл шёпот.

Сая за моей спиной шепнула:

— Уже плохо.

Рэн наклонил голову.

— Архив дал вам этот статус?

— Да.

— Архив ошибается реже людей. Но чаще, чем хотел бы признавать.

— Удобная позиция: если архив подтверждает вашу версию — он свят, если мою — ошибается.

В зале кто-то тихо охнул.

Рэн спустился с возвышения. Шёл он медленно, но от каждого шага по полу расходились тонкие чёрные круги, как от капель в воде.

— Вы понимаете, где находитесь?

— В Судебной башне.

— Это не ответ.

— Тогда задайте точнее.

Он остановился у серебряной линии центрального круга.

— Вы находитесь в месте, где слово становится показани-

ем, показание — клятвой, а клятва — частью тени. Здесь не играют в остроумие, госпожа Мэй Лин.

— Хорошо, что я не она.

Маска скрывала верхнюю часть его лица, но я почувствовала взгляд.

— Именно это и является первым основанием для отказа.

— В чём?

— В назначении вас временным поверенным Брачного отдела.

Сая тихо пискнула.

Я посмотрела на Рэна.

— На каком основании?

Он явно ждал этого вопроса. Такие, как он, всегда ждут вопроса «на каком основании». Они любят основания. Основания — их оружие.

— Первое: тело Мэй Лин находится под обвинением в нарушении брачной клятвы и побеге из Двора. Второе: в теле обнаружена чужая душа, правовой статус которой не подтверждён Ночным судом. Третье: Брачный отдел не допускает к делам лиц, заинтересованных в разрушении собственного договора. Четвёртое: вы публично назвали брак с Хозяином Тени рабством. Пятое: вчера в Зале Первой и Последней Клятвы вы оскорбили Совет, Двор, договор и, предположительно, саму идею брака.

— Предположительно?

— Следствие уточнит формулировку.

— Благодарю за тщательность.

— Не благодарите. Это не в вашу пользу.

— Посмотрим.

Я шагнула в серебряный круг.

Сая за моей спиной прошептала:

— Нет-нет-нет...

Но круг не вспыхнул. Не сжёг меня. Не вырвал тень. Только стал холоднее под ногами.

Три зеркала над головой дрогнули.

В первом появилось лицо Мэй Лин — спокойное, бледное.

Во втором — две тени.

В третьем — пустота.

Рэн заметил. Весь зал заметил.

Шёпот стал громче.

— Молчать, — сказал Рэн.

Не как Кагэро. У него это вышло менее страшно, но более юридически.

Шёпот стих.

— Вы самовольно вошли в круг показаний, — произнёс он.

— Разумеется. Мне предъявили основания отказа. Я отвечаю.

— Вам не предоставляли слова.

— Тогда зафиксируйте нарушение права на возражение.

— У вас нет такого права.

— Значит, начнём с этого.

Я подняла руку с браслетом.

На коже всё ещё темнело: *СРОК: ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ*. Ниже — старая надпись: *СОГЛАСИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО*. Ещё ниже, почти у самой кисти, тонкой нитью проступал архивный статус: *СТОРОНА НЕУСТАНОВЛЕННОГО ДОГОВОРА*.

— Ваши основания противоречат друг другу, — сказала я.

Рэн слегка повернул голову.

— Объясните.

— С удовольствием. Первое: вы называете меня Мэй Лин, но одновременно признаёте наличие чужой души. Определитесь, кого обвиняете. Второе: если правовой статус чужой души не подтверждён судом, суд не может применять к ней ограничения, установленные для Мэй Лин. Третье: заинтересованность в собственном договоре не основание для отказа, а основание для раскрытия конфликта интересов. Четвёртое: моё высказывание о рабстве было оценочным суждением на основании отсутствия процедуры расторжения. Пятое: если ваша идея брака не выдерживает одного оскорбления, проблема не во мне.

В зале стало тихо.

Не уважительно.

Опасно.

Сая закрыла лицо руками.

Рэн не двинулся.

— Вы говорите как человек, который привык к законам без магии.

— А вы — как человек, который привык прикрывать магией отсутствие закона.

Его крылья за плечами едва заметно раскрылись.

Впервые я поняла, что Сая была права: у него действительно был клюв под маской. Не полностью птичий. Но линия рта стала острее, темнее, жестче.

— Брачный отдел, — сказал Рэн, — не место для вашей личной войны с супругом.

— Согласна.

Это остановило его на полуслове.

Я продолжила:

— Именно поэтому мне нужен статус временного поверенного. Не жены. Не обвиняемой. Не предательницы. Поверенного, ограниченного сроком, областью допуска и обязанностью фиксировать каждое действие. Вы боитесь, что я буду разрушать собственный договор? Назначьте надзор. Вы боитесь подмены личности? Зафиксируйте вторую тень. Вы боитесь моего интереса? Пропишите конфликт. Но отказ без процедуры докажет только одно: в Ночном Дворе закон существует до первой неудобной женщины.

Кто-то в задних рядах тихо сказал:

— Дерзкая.

Другой ответил:

— Мёртвая.

Рэн поднял руку. Снова тишина.

— Вы требуете невозможного.

— Нет. Я требую временного допуска к отделу, который уже предусмотрен вашим же распоряжением Хозяина Тени.

— Хозяин Тени не является судом.

— Но является стороной договора.

— Это не усиливает ваше требование.

— Наоборот. Если мой предполагаемый супруг, заинтересованный в удержании брака, сам допустил возможность проверки договора, отказ суда выглядит как попытка защитить не закон, а чьи-то скрытые интересы.

Впервые Рэн промолчал.

Я видела, как мысль работает за его маской. Не злость — расчёт. Он не был глупым. Это плохо. С глупыми противниками проще: они дают, ошибаются, оставляют следы. Умные держат паузу.

— Вы обвиняете суд в предвзятости? — спросил он.

— Я указываю на риск предвзятости.

— Тонкая разница.

— Но существенная.

И тут сверху, из высокого окна, упал голос Кагэро:

— Существенная.

Зал вздрогнул.

Я не обернулась сразу. Не хотела показывать, что ждала его вмешательства. Но тело Мэй Лин — предательское, живое, помнящее — среагировало раньше: сердце сжалось,

пальцы чуть расслабились.

Кагэро стоял в верхней галерее, опираясь рукой о чёрные перила. Его тень лежала за ним слишком неподвижно. После Северного выхода она словно была наказана — или ранена.

— Господин Кагэро, — Рэн поклонился, но не низко. — Суд рассматривает вопрос допуска.

— Я слышу.

— В таком случае вы также слышали основания для отказа.

— Слышал.

— И?

— Они недостаточны.

Рэн поднял голову.

— Вы готовы поручиться за неё?

Я резко сказала:

— Нет.

Теперь уже весь зал посмотрел на меня.

Даже Кагэро.

— Не надо за меня ручаться, — сказала я, глядя вверх.

— Я не имущество, которое передают под ответственность владельца.

Сая прошептала:

— О боги, она спорит сразу с обоими.

Рэн медленно повернулся ко мне.

— Без поручительства Хозяина Тени ваше назначение невозможно.

— Почему?

— Потому что тело Мэй Лин связано с его брачным договором.

— Значит, он ручается не за меня, а за сохранность собственного договора. Формулируйте точно.

Кагэро смотрел на меня сверху.

В его лице не было ни раздражения, ни одобрения. Но в глазах — эта короткая, почти неуловимая тень интереса, которую я уже видела.

— Формулировка принимается, — сказал он.

Рэн замолчал.

На этот раз в зале послышался настоящий шум.

Судьи в масках начали переговариваться. Кто-то из старших родов шипел. Одна женщина с рыбьими глазами смеялась за веером. Бумажные птицы под потолком закружили быстрее.

Рэн ударил концом посоха по полу.

Серебряная линия круга вспыхнула.

— Тишина.

Шум стих.

Он подошёл к столу, взял тонкую чёрную дощечку и провёл по ней ногтем. На поверхности вспыхнули символы.

— Временная сторона неуставленного договора, именуемая Ариной, находящаяся в теле Мэй Лин, младшей жены Хозяина Тени, получает ограниченный допуск в Отдел брачных договоров, теневых союзов и посмертных обяза-

тельств сроком на тридцать дней.

Браслет на моей руке отозвался теплом.

— Ограничения, — продолжил Рэн. — Первое: без права входа в закрытые слои архива, кроме случаев, подтверждённых пропуском. Второе: без права самостоятельного расторжения договоров. Третье: все выводы подлежат проверке. Четвёртое: при попытке бегства статус аннулируется. Пятое: при угрозе печати Неназываемого тело подлежит изоляции независимо от присутствующей души.

— Возражение по пятому пункту, — сказала я.

Рэн даже не моргнул.

— Отклонено.

— Вы не дали обосновать.

— Оно было предсказуемым.

— Плохая судебная практика.

— Привыкайте.

Я усмехнулась.

— Не планирую.

Кагэро сверху произнёс:

— Назначение завершено?

Рэн медленно повернулся к нему.

— Почти.

Он снова посмотрел на меня.

И теперь в его голосе исчезла сухая публичная формальность. Осталась личная неприязнь. Сдержанная, холодная, почти честная.

— Я не верю вам, Арина.

В зале стало особенно тихо.

Он назвал меня Ариной.

Не Мэй Лин.

— Взаимно, — ответила я.

— Я считаю Мэй Лин предательницей. Я считаю вашу душу нарушением. Я считаю решение Хозяина Тени ошибкой, которая дорого обойдётся Двору.

— Зафиксировано.

— И я намерен следить за каждым вашим шагом.

— Прекрасно. Свидетели мне пригодятся.

Его губы под маской чуть искривились.

— Первое дело уже ждёт. Русалка без голоса. Её муж — человек, но договор заверен Двором. Если вы ошибётесь в формулировке, её голос будет признан товаром, молчание — согласием, а ваша временная должность закончится до заката.

— Значит, не ошибусь.

— Все так говорят.

Он наклонился ближе, и я увидела под маской тёмный блеск глаза — слишком чёрный для человеческого.

— Первое же дело вас убьёт, — сказал Рэн тихо. — И, в отличие от вашего мужа, я не стану мешать закону.

Я посмотрела на него.

Потом на серебряный круг под ногами.

Потом вверх, туда, где стоял Кагэро.

Он молчал.

Конечно.

Я снова повернулась к Рэну.

— Тогда постарайтесь, чтобы закон был в приличном виде. Мне не нравится погибать от плохо составленных документов.

Глава 8 Дело русалки без голоса

Брачный отдел пах чернилами, мокрой шерстью и отчаянием.

Последнее, конечно, не имело запаха. По крайней мере, в моём мире. Там отчаяние пряталось под дешёвым кофе в коридорах суда, под сладкими духами женщин, которые старались выглядеть «уравновешенными», под табаком адвокатов, уверенных, что чужая жизнь — это просто очередной спор о собственности.

Здесь отчаяние пахло солью.

Брачный отдел находился не в восточном крыле Судебной башни, как сказала Сая, а будто под ним. Мы спустились по винтовой лестнице, прошли через арку с надписью «Отдел брачных договоров, теневых союзов и посмертных обязательств» и оказались в зале, где всё было одновременно канцелярией и аквариумом.

Вдоль стен стояли длинные столы. За ними сидели писцы: кто-то с птичьими головами, кто-то с прозрачными руками, кто-то с лицами, заросшими мхом. Над столами плавали папки. Не лежали — именно плавали, лениво раскрываясь и закрываясь, как рыбы. На каждой висела печать.

Красная — действующий брак.

Чёрная — нарушение клятвы.

Белая — смерть одной из сторон.

Синяя — спор о голосе, имени или памяти.

Сая шла рядом и старалась смотреть себе под ноги.

— Не трогайте папки без приглашения, — шептала она.

— Не отвечайте, если вас позовут из закрытого ящика. Не подписывайте ничего мокрыми чернилами. Не соглашайтесь на чай от вдов. Не спорьте с печатями.

— С печатями?

— Они кусаются.

— Конечно.

У дальнего стола нас ждал Рэн.

Он стоял так, словно уже давно пожалел, что не смог запретить мне вход, но собирался компенсировать это наблюдением за моей гибелью. Чёрная мантия, воронья полумаска, руки в перчатках. Перед ним на столе лежала тонкая папка с синей печатью.

— Временный поверенный, — произнёс он.

— Судебный обвинитель.

— Ваше первое дело.

— Без инструктажа?

— Вы получили назначение. Этого достаточно.

— В моём мире даже стажёрам объясняют, где туалет и кто главный идиот в отделе.

Сая тихо кашлянула.

Рэн не отреагировал.

— В вашем мире, судя по вашим словам, браки расторгают с чудовищами. Здесь чудовища умеют читать жалобы.

— Тогда начнём.

Он положил пальцы на папку.

Синяя печать шевельнулась, приподняла край и открыла маленький влажный глаз. Посмотрела на меня. Моргнула. Снова закрылась.

Я медленно повернула голову к Сае.

— Печать только что...

— Да.

— Ясно.

Рэн провёл ногтем по краю папки. Печать раскрылась с влажным звуком, похожим на вздох.

— Дело номер семьсот сорок три. Просительница — Лира из рода Нижних Вод. Сущность: речная русалка. Ответчик — Марек Тир, человек-договорник, владелец лавки голосовых амулетов. Предмет спора: расторжение брака имени и голоса. Основание заявления: незаконная продажа голоса супруги третьему лицу.

— Где просительница?

— Здесь.

Он сделал знак.

Из боковой двери вывели женщину.

Сначала я увидела волосы — длинные, зеленовато-чёрные, мокрые, словно она только что вышла из реки. Потом кожу: бледную, почти прозрачную, с мерцанием чешуи на висках и запястьях. Ноги у неё были человеческие, но шла она тяжело, будто каждый шаг по сухому полу причи-

нял боль. На шее — серебряный ошейник. Нет, не ошейник. Брачное украшение. Тонкое, изящное, с подвешенной раковиной у горла.

Раковина была запечатана красным воском.

Женщина подняла на меня глаза.

Большие. Тёмные. Нечеловеческие.

И совершенно беззвучно открыла рот.

Ни слова.

Даже дыхания.

Я почувствовала, как что-то сжалось внутри.

Не мистически. Профессионально.

Вот она. Клиентка. Просительница. Женщина, которая пришла туда, где должны были услышать, но уже была лишена главного инструмента — голоса.

— Она не может говорить, — сказала я.

— Очевидно, — ответил Рэн.

— Тогда кто подал заявление?

— Её сестра. По доверенности плавника.

Я посмотрела на него.

— По чему?

— Это не имеет значения.

— Для дела имеет значение всё.

Рэн постучал по папке.

Из неё выплыл лист — тонкий, полупрозрачный, будто сделанный из рыбьей кожи. На нём шевелились строчки.

Я взяла его осторожно.

Слова сами складывались в понятный смысл.

Лиора, дочь Нижней Воды, требует расторжения брака с Мареком Тиром, поскольку супруг продал её голос купцу Юдзу за три серебряные луны и долговую печать. Ответчик утверждает, что продажа была законной, так как голос входил в совместное брачное имущество, а просительница не возражала.

— Не возражала, — повторила я.

Лиора дёрнулась.

Её пальцы вцепились в мокрую ткань платья. На шее раковина дрогнула и глухо стукнула о серебро.

— Она не могла возражать, — сказала я.

Рэн наклонил голову.

— Именно это вам предстоит доказать.

— А что тут доказывать? Голос продан. После продажи она физически не может говорить.

— Вопрос не в том, может ли она говорить сейчас. Вопрос в том, возражала ли она в момент сделки.

Я посмотрела на Лиору.

Её глаза блестели. Не слезами — водой. Вода собиралась у нижних век и не падала, будто даже плакать на суше ей было трудно.

— Где ответчик?

— Ожидает слушания.

— Я хочу поговорить с просительницей наедине.

— Невозможно.

— Почему?

— Она не говорит.

— Тогда вы тем более не нужны.

Рэн чуть усмехнулся.

— Считаете, что сможете допросить безмолвную русалку?

— Я считаю, что молчание не равно отсутствию показаний.

Сая за моей спиной очень тихо сказала:

— Ой.

Рэн услышал.

— Осторожнее, поверенный. В Брачном отделе красивые фразы часто стоят дороже жизни.

— Я привыкла к дорогим фразам.

— Не сомневаюсь.

Он сделал знак писцам.

— Комната для предварительной беседы. Пять минут. Без снятия печати. Без прикосновения к брачному украшению. Без попытки вернуть голос. Без магического давления. Без обещаний исхода дела.

— Последнее разумно.

— Остальное тоже.

— Посмотрим.

Комната для беседы оказалась узкой, с низким потолком и круглым столом посередине. В стенах текла вода. Не трубы — именно вода внутри стен, за мутным стеклом. По ней плавали тени рыб.

Лиора села напротив меня. Сая встала у двери. Рэн остался за стеклянной перегородкой: вроде бы не в комнате, но достаточно близко, чтобы его присутствие раздражало.

Я положила перед собой пустой лист.

— Меня зовут Арина, — сказала я. — Формально я временный поверенный. Неформально — единственный человек в этом здании, который пока не считает ваше молчание удобным доказательством против вас.

Лиора смотрела неподвижно.

— Вы понимаете меня?

Она моргнула один раз.

— Один раз — да?

Снова один раз.

— Два — нет?

Два моргания.

Сая у двери облегчённо выдохнула.

— Хорошо, — сказала я. — Начнём с простого. Вы хотите расторгнуть брак с Мареком Тиром?

Один раз.

— Вы соглашались на продажу голоса?

Лиора резко моргнула дважды.

Потом ещё два.

Потом ударила ладонью по столу.

Вода в стенах вздрогнула.

— Хорошо. Вы не соглашались. Вы знали о сделке до того, как она произошла?

Два моргания.

— Узнали после?

Один раз.

Я записывала.

Рука Мэй Лин держала перо непривычно, но уверенно. Слишком уверенно. Где-то в теле проснулась память: как выводить местные символы, как ставить знак вопроса, как оставлять место под печать.

— Ваш муж говорил, что голос является совместным брачным имуществом?

Один раз.

— Это было прописано в договоре?

Лиора замерла.

Потом медленно моргнула.

Один раз.

Внутри меня что-то похолодело.

— Вам читали этот пункт перед подписанием?

Два раза.

— Вы умеете читать на языке договора?

Два раза.

Я отложила перо.

— Значит, он дал вам подписать брачный договор на языке, которого вы не знали, а потом использовал пункт о совместном имуществе, чтобы продать ваш голос.

Лиора закрыла глаза.

По щеке наконец скатилась вода. Упала на стол — и пре-

вратилась в крошечную серебряную рыбку. Рыбка билась пар
у секунд, потом исчезла пятном.

Сая тихо всхлипнула.

Я посмотрела на раковину у горла Лиоры.

— Печать на голос наложена после продажи?

Один раз.

— Кто заверял сделку?

Лиора открыла глаза.

Страх в них появился мгновенно.

Она не моргала.

Я наклонилась ближе.

— Лиора, мне нужно знать, кто заверил продажу.

Она медленно подняла руку к шее, но не коснулась рако-
вины. Пальцы зависли в воздухе.

Рэн за стеклом резко произнёс:

— Не трогать печать.

Я не обернулась.

— Она не трогает.

Лиора опустила руку на стол. Потом вывела пальцем по
влажной поверхности символ.

Я его не знала.

Но тело Мэй Лин знало.

Архив.

Нет.

Не просто архив.

Зеркальный архив.

Я почувствовала, как браслет на руке стал холодным.

— Ханами? — спросила я очень тихо.

Лиора вздрогнула.

Сая у двери зажала рот ладонью.

За стеклом Рэн резко выпрямился.

— Откуда вы взяли это имя? — спросил он.

— Из показаний просительницы.

— Она ничего не сказала.

— Ваша система в этом вся, да? Если женщина не может произнести вслух, значит, можно считать, что доказательств нет.

Рэн вошёл в комнату.

— Осторожнее.

— Я и так осторожна. Я пока только злюсь.

Он посмотрел на влажный символ на столе. Его лицо под маской стало жёстче.

— Это не имя Ханами.

— А что?

— Печать архивного заверения.

— Кто имеет право её ставить?

— Зеркальный архив.

— А кто хозяйка Зеркального архива?

Он молчал.

— Спасибо. Вопрос снят.

Рэн резко захлопнул папку, которую держал в руке.

— Вы не понимаете, во что вмешиваетесь.

— Понимаю. В брачный спор, где муж продал голос жены, потому что договор позволял считать её частью имущества.

— Печать архива означает, что договор был признан добровольным.

— Добровольным кем?

— Архивом.

— Архив — не человек.

— Именно поэтому ему доверяют.

Я рассмеялась.

Лиора испуганно посмотрела на меня. Сая — тоже. Даже Рэн замер.

— Простите, — сказала я Лиоре мягче. — Это не над вами.

Потом повернулась к Рэну.

— У меня была клиентка. Муж принёс в суд экспертизу: жена якобы «добровольно» отказалась от части имущества, потому что подпись стояла на каждой странице. Все восхищались аккуратностью документов. Никого не интересовало, что она подписывала их ночью, после угроз, без адвоката, с ребёнком за стеной. Бумага была идеальна. Согласие — нет.

Рэн долго смотрел на меня.

— Ваш мир отвратителен.

— Ваш старается догнать.

Лиора вдруг подняла руку.

На её запястье была тонкая цепочка из белых ракушек. Она сорвала одну ракушку и протянула мне.

Рэн шагнул вперёд.

— Нельзя принимать личные предметы просительницы до слушания.

— Это доказательство?

Он замолчал.

Ракушка лежала на ладони Лиоры. Маленькая, перламутровая, с трещиной по краю. Изнутри доносился слабый шум воды.

— Что это? — спросила я у Саи.

Сая побледнела.

— Память голоса.

Я осторожно взяла ракушку.

Едва она коснулась моей кожи, комната исчезла.

Я слышала пение.

Не музыку даже — дыхание реки. Голос Лиоры был низким, прозрачным, с такой тоской, что у меня сжалось горло. Потом мужской голос, тёплый, человеческий:

«Только подпиши, любовь моя. Это обычный брачный пункт».

Шорох бумаги.

«Ты же доверяешь мне?»

Пауза.

Пение обрывается.

Женский голос — голос Лиоры — тихо спрашивает:

«А если я однажды захочу уйти?»

Мужчина смеётся.

Не зло. Ласково.

От этого страшнее.

«Куда ты пойдёшь без голоса?»

Видение оборвалось.

Я снова сидела за столом.

Ракушка треснула в моей ладони.

Лиора смотрела на меня так, будто я теперь держала не улику, а часть её горла.

— Он знал, — сказала я.

Рэн молчал.

— Он заранее знал, что голос станет способом удержать её.

— Память ракушки не является полным доказательством,

— произнёс он наконец.

— Зато является основанием для слушания.

— Слушание уже назначено.

— Тогда я хочу внести ракушку в материалы дела.

— Это опасно.

— Для кого?

Рэн не ответил.

И снова молчание оказалось ответом.

Не для Лиоры.

Для архива.

Для тех, кто заверял договор.

Для Ханами.

Я положила ракушку на лист и накрыла ладонью.

— Лиора, — сказала я, глядя ей в глаза, — я не обещаю выиграть. Я не знаю ваших законов достаточно хорошо, чтобы обещать. Но я обещаю другое: я не позволю им назвать ваше молчание согласием, пока я могу говорить.

Лиора закрыла глаза.

И впервые с начала беседы её плечи чуть опустились. Не от слабости — от того, что кто-то наконец понял.

За стеклом в общем зале что-то ударило в гонг.

Рэн выпрямился.

— Слушание начинается.

— Сейчас?

— В Брачном отделе дела голоса рассматриваются до высыхания первой слезы. Иначе показания теряют силу.

— Прекрасно. Ещё одно правило, которое кто-то явно придумал не в пользу плачущих.

Я поднялась.

Сая подбежала ближе.

— Вы правда будете спорить?

— Я теперь здесь для этого.

— Но там будет муж. И его поверенный. И печать архива.

— Особенно печать.

Мы вышли в общий зал.

У дальнего круга уже стоял мужчина — светловолосый, аккуратный, с мягким лицом лавочника, который умеет улыбаться так, чтобы покупатель сам предложил переплатить. На его руке блестел брачный браслет, а у пояса висела ма-

ленькая серебряная клетка.

Внутри клетки дрожал свет.

Нет.

Не свет.

Голос.

Пойманный, скрученный, беззвучно бьющийся о прутья.

Лиора остановилась.

Её лицо стало таким белым, что чешуя на висках потемнела.

Мужчина улыбнулся ей с нежностью.

— Ли, — сказал он. — Не надо было доводить до суда. Ты же знаешь, я всегда понимал твоё молчание.

Я сделала шаг вперёд, прежде чем успела подумать.

Рэн тихо сказал рядом:

— Поверенный Арина. Сейчас каждое ваше слово будет внесено в протокол.

— Отлично, — ответила я. — Давно пора.

И в этот момент на папке дела вспыхнула синяя печать.

Она раскрылась, как глаз.

Внутри зрачка я увидела знакомую мягкую улыбку.

Ханами.

Не она сама. Только отражение в печати. Но этого хватило.

Печать моргнула.

И на обложке дела проступила новая строка:

СОГЛАСИЕ СУПРУГИ ПОДТВЕРЖДЕНО АРХИВОМ.

ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

Глава 9 Молчание не является согласием

Слушание проходило не в отдельном зале.

В Брачном отделе, видимо, считали, что чужая боль не нуждается в стенах.

Круг для разбирательств находился прямо посреди канцелярии. Писцы за длинными столами продолжали работать, будто развод русалки без голоса был не событием, а частью утреннего расписания: один подшивал тени к делу о посмертном наследстве, другой снимал красную печать с брака двух болотных духов, третий аккуратно кормил чернилами папку, которая пыталась укусить его за палец.

В центре круга стояли мы.

Лиора — бледная, мокрая, с запечатанной раковиной на горле.

Марек Тир — её муж, светловолосый, аккуратный, почти красивый в своей человеческой безупречности.

Рэн — сбоку, как ворон на краю крыши.

Сая — у самой линии круга, с таким лицом, словно она заранее готовилась оплакивать меня, Лиору и, возможно, здравый смысл.

Я — временная сторона неустановленного договора, в чужом теле, с браслетом на руке и ощущением, что мой пер-

вый процесс в Ночном Дворе закончится либо победой, либо очень юридически оформленной смертью.

Над кругом висела синяя печать дела.

Она моргала.

На её поверхности всё ещё горела строка:

*СОГЛАСИЕ СУПРУГИ ПОДТВЕРЖДЕНО АРХИВОМ.
ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ.*

Я смотрела на неё и чувствовала почти родное раздражение.

В моём мире тоже любили фразы «обжалованию не подлежит». Обычно это означало: кто-то заранее решил, что ему неудобно слушать.

— Стороны готовы? — спросил Рэн.

— Готов, — сказал Марек.

Голос у него был приятный. Тёплый. Человеческий. Такой голос мог продавать амулеты, уговаривать соседей, обещать жене, что всё будет хорошо, пока одной рукой запираешь дверь.

Лиора открыла рот.

Тишина.

Раковина на её горле дрогнула, воск на печати блеснул.

Марек мягко улыбнулся.

— Моя жена волнуется. Она всегда была чувствительной.

Я сделала шаг вперёд.

— Просительница готова.

Марек перевёл на меня взгляд. В его глазах мелькнула

быстрая, цепкая оценка: чужая, опасная, но пока не знающая правил. Мужчины вроде него ошибались одинаково во всех мирах. Они считали, что если женщина не знает их правил, она не сможет их сломать.

— Вы новый поверенный? — спросил он.

— Временный.

— А, — улыбнулся он шире. — Тогда прошу простить, если дело покажется вам сложным. Брачные договоры водного рода имеют особенности.

— Все договоры имеют особенности, когда кто-то пытается спрятать в них кражу.

Улыбка Марека стала тоньше.

Рэн ударил посохом по полу.

— Воздержитесь от оценочных суждений до изучения материалов.

— Это предварительная квалификация.

— Это предупреждение.

— Принято как часть атмосферы.

Сая тихо прошептала:

— Она совсем не бережёт себя.

Печать над кругом раскрыла глаз шире.

Рэн взял дело.

— Просительница Лиора из рода Нижних Вод требует расторжения брака имени и голоса с Мареком Тиром. Основание: отчуждение голоса супруги без согласия. Ответчик утверждает, что голос являлся частью совместного брачно-

го имущества, а отсутствие возражения со стороны супруги подтверждает законность сделки.

— Именно, — сказал Марек. — Я никогда не действовал против воли Лиоры. Она была рядом при заключении сделки. Она молчала. В нашем браке молчание всегда означало согласие.

Лиора вздрогнула.

Я заметила, как её пальцы побелели на складках платья.

— В вашем браке, — повторила я, — удобно устроено.

— Мы понимали друг друга без слов.

— Особенно после того, как вы продали её слова.

В отделе стало тише.

Даже папки перестали шелестеть.

Рэн посмотрел на меня.

— Поверенный Арина.

— Да?

— Я вынужден напомнить: если вы продолжите нарушать порядок, я удалю вас из круга.

— Тогда я перейду к вопросам.

— Наконец.

Я повернулась к Мареку.

— Вы признаёте, что продали голос супруги купцу Юдзу?

— Не продал, а временно передал право пользования.

— За три серебряные луны и долговую печать?

— Это была компенсация за неудобства.

— Чьи?

— Нашей семьи.

— Неудобства вашей семьи заключались в том, что у Лиоры был голос?

Марек впервые перестал улыбаться.

— У моей жены необычный голос. Ценный. Мы оба это знали.

— Кто получил оплату?

— Я, как глава брачного хозяйства.

— Лиора получила часть?

— Всё, что принадлежит мне, принадлежит ей.

— Как красиво. А всё, что принадлежит ей, принадлежит вам?

Он чуть наклонил голову.

— Согласно договору, голос русалки, используемый в браке, входит в общее имущество супругов.

— Покажите пункт.

Рэн поднял лист. Строки на нём шевельнулись и стали видны всем в круге.

Я прочла:

Голос супруги, звучащий в доме, лавке, брачном ложе и при заключении сделок, признаётся частью совместного благополучия и может быть использован главой хозяйства для укрепления брачного имущества.

— Впечатляющая мерзость, — сказала я.

— Поверенный, — предупредил Рэн.

— Простите. Впечатляющая формулировка.

Марек усмехнулся.

— Договор заверен Архивом.

— Вижу.

— Моя жена подписала его добровольно.

Лиора резко подняла голову.

Я посмотрела на неё.

— Лиора, вам зачитывали этот пункт на понятном вам языке?

Она моргнула дважды.

Нет.

Марек вздохнул с терпением человека, которому приходится объяснять очевидное.

— Лиора тогда ещё плохо понимала язык суши.

— Тогда зачем вы заключали договор на языке суши?

— Я человек. Моя лавка в Куроаме. Сделки ведутся на общем языке Двора.

— А переводчик был?

— Её сестра присутствовала.

Лиора ударила ладонью по воздуху.

Сая тихо сказала:

— Она говорит: сестру не пустили в комнату.

Рэн резко повернул голову.

— Вы знаете водный жестовый?

Сая сжалась.

— Немножко. То есть нет. То есть да, но плохо. Я очень плохо всё знаю.

— Достаточно хорошо, чтобы переводить?

— Нет!

Я посмотрела на неё.

— Сая.

Она закрыла глаза.

— Да.

Рэн молчал несколько секунд.

— Маленькая кицунэ, вы понимаете ответственность свидетеля?

Сая открыла один глаз.

— Если я скажу «нет», меня отпустят?

— Нет.

— Тогда понимаю.

Я повернулась к Лиоре.

— Покажите ещё раз.

Лиора медленно подняла руки. Движения были плавными, будто вода текла между пальцами. Сая смотрела внимательно, губы у неё дрожали.

— Сестру... оставили... за дверью, — перевела она. — Марек сказал... семейные условия... не для чужих ушей.

— Ложь! — резко сказал Марек.

Впервые в его голосе появилась настоящая злость.

И в тот же миг синяя печать над кругом моргнула.

Не сильно.

Но я увидела.

— Повторите, — сказала я.

Марек нахмурился.

— Что?

— Повторите, что это ложь.

— Зачем?

— Хочу посмотреть на печать.

Рэн тоже поднял взгляд.

Марек сжал челюсть.

— Это... неточно.

— Уже лучше.

— Лиора могла неправильно понять.

Лиора беззвучно рассмеялась.

Это было страшнее плача.

Рот открыт. Глаза полны воды. Ни звука. Даже горечь у неё отняли.

Я повернулась к Рэну.

— Вношу в протокол: ответчик изменил формулировку после реакции архивной печати.

— Внесено, — сказал Рэн неожиданно.

Марек бросил на него быстрый взгляд.

Рэн остался неподвижен.

Я продолжила:

— Теперь о главном. Ответчик утверждает, что отсутствие возражения было согласием. Но на момент сделки голос являлся предметом сделки. Верно?

Марек насторожился.

— Да.

— То есть предметом отчуждения было именно средство, которым просительница могла бы выразить возражение.

— Не только им. Она могла отказаться письменно.

— Она умеет писать на общем языке?

— Не в совершенстве.

— У неё были письменные принадлежности в момент сделки?

— Не помню.

— Удобно.

— Это было давно.

— Когда именно?

— Три недели назад.

В отделе снова стало тихо.

Я медленно улыбнулась.

— Три недели — серьёзный срок. Особенно для памяти человека, продавшего женин голос за три луны.

Марек побледнел.

— Я не обязан помнить каждую мелочь.

— Конечно. Мужчинам часто не запоминаются мелочи вроде присутствия переводчика, письменных принадлежностей и согласия женщины, чьё тело они продают по частям.

Рэн произнёс:

— Формулировка.

— Исправляюсь. Чей голос они отчуждают как совместное имущество.

Я подошла к клетке у пояса Марека.

Внутри дрожал пойманный голос. Светился бледным, зеленоватым, как лунная дорожка на воде. Он бился о прутья каждый раз, когда Лиора пыталась вдохнуть глубже.

— Это голос Лиоры?

Марек прикрыл клетку ладонью.

— Он временно у меня до передачи покупателю.

— Значит, сделка ещё не завершена?

— Передача задержалась из-за заявления.

— Прекрасно.

— Что прекрасного?

— То, что предмет спора находится при ответчике и может быть исследован.

Марек отступил на шаг.

— Нет. Голос — брачное имущество.

— Именно это мы и проверяем.

Я посмотрела на Рэна.

— Требую временного изъятия клетки как предмета спора до окончания слушания.

— Возражаю, — быстро сказал Марек.

— На основании?

— Это моё имущество.

Лиора закрыла глаза.

Я сказала тихо:

— Вот и всё.

Марек понял ошибку через секунду.

— Я имел в виду — наше.

— Нет. Вы сказали «моё». Прошу внести.

Рэн смотрел на Марека с выражением, которого я не могла увидеть под маской, но очень хорошо чувствовала: холодное профессиональное презрение.

— Внесено.

— Это оговорка, — сказал Марек.

— Оговорки, — сказала я, — часто честнее договоров.

Синяя печать над кругом дрогнула.

На её поверхности проступила строка:

ПРЕДМЕТ СПОРА МОЖЕТ БЫТЬ ИЗЪЯТ ДО РЕШЕНИЯ.

Рэн протянул руку.

— Клетку.

Марек не двигался.

Тогда из тени под столом выросли два тонких птичьих когтя и сняли клетку с его пояса. Он дёрнулся, но поздно.

Клетка опустилась на стол в центре круга.

Голос внутри вспыхнул.

Лиора беззвучно всхлипнула.

— Не открывать, — сказал Рэн.

— Я не собираюсь, — ответила я. — Пока.

— Поверенный Арина.

— Что?

— «Пока» прозвучало как намерение совершить процессуальное безумие.

— Значит, вы начинаете меня понимать.

Я наклонилась к клетке.

— Лиора, ваш голос помнит момент сделки?

Она моргнула один раз.

Марек резко сказал:

— Голос не может свидетельствовать отдельно от владелицы.

— Но вы только что утверждали, что он может быть имуществом отдельно от неё.

— Это другое.

— Нет. Это ваша логика. Я просто довожу её до конца.

Впервые кто-то в зале тихо засмеялся.

Не насмешливо. Нервно.

Рэн постучал посохом.

— Тишина.

Я продолжала:

— Если голос является отдельным брачным имуществом, его можно исследовать как предмет договора. Если голос является частью личности Лиоры, его нельзя было продавать без её выраженного согласия. Выбирайте, Марек. Ваша позиция не может одновременно утверждать, что голос — вещь для продажи и личность для молчаливого согласия.

Марек молчал.

Печать над кругом моргнула. Её глаз стал шире.

Рэн медленно повернулся ко мне.

И в этой паузе я впервые увидела: он понял.

Не согласился. Не встал на мою сторону.

Но понял лазейку.

— Суд принимает вопрос, — сказал он. — Ответчик должен определить правовой статус голоса.

Марек сжал руки.

— Голос — имущество брачного хозяйства.

Лиора пошатнулась.

— Тогда, — сказала я, — имущество не может давать согласие. Следовательно, молчание Лиоры при отчуждении имущества не является согласием.

— Она присутствовала!

— Присутствие не равно согласие.

— Она не возражала!

— Отсутствие возражения не равно согласие.

— Она молчала!

Я шагнула к нему.

— Потому что вы продавали её голос.

В отделе стало так тихо, что слышно было, как в стенах течёт вода.

Марек отступил.

— Вы всё переворачиваете.

— Нет. Я впервые ставлю всё в правильном порядке.

Синяя печать над кругом вспыхнула.

Строка Ханами — «СОГЛАСИЕ СУПРУГИ ПОДТВЕРЖДЕНО АРХИВОМ» — дрогнула, но не исчезла.

Вместо неё ниже проступила новая:

ПОДТВЕРЖДЕНО ПРИСУТСТВИЕ. НЕ ПОДТВЕРЖДЕ-

НО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ.

Сая вскрикнула и тут же зажала рот ладонями.

Рэн поднял голову к печати.

— Архивная формулировка изменена.

Марек побелел.

— Это невозможно.

Я посмотрела на печать.

Внутри её синего глаза на миг снова мелькнула улыбка Ханами.

Не раздражённая.

Заинтересованная.

От этого стало холоднее, чем если бы она злилась.

— Похоже, возможно, — сказала я.

Рэн поднял посох.

— На основании уточнённой формулировки архивной печати, противоречий в показаниях ответчика и невозможности считать молчание отчуждаемого голоса согласием владелицы, Брачный отдел признаёт сделку передачи голоса недействительной до полного пересмотра брачного договора.

Лиора закрыла лицо руками.

Марек резко шагнул вперёд.

— Нет! Вы не можете! Я заплатил долговую печать! Юдзу потребует возмещения!

— Предъявите иск к себе, — сказала я. — Вы же глава хозяйства.

Рэн ударил посохом.

Клетка раскрылась.

Не дверцей.

Вся серебряная конструкция рассыпалась в воздухе тонкими рыбьими костями. Зеленоватый свет метнулся к Лиоре, ударил ей в горло, и раковина на её шее треснула.

Воск лопнул.

Лиора вдохнула.

Первый звук был не словом.

Крик.

Не громкий, не красивый, не похожий на пение из ракушки памяти. Сорванный, хриплый, живой. В нём было всё, что за неё называли молчанием.

Марек зажал уши.

Писцы подняли головы.

Даже Рэн отступил на полшага.

Лиора кричала, пока не упала на колени. Потом звук оборвался, и она прохрипела:

— Я... не... соглашалась.

Три слова.

Всего три.

Но отдел услышал их так, будто рухнула стена.

Синяя печать над кругом закрыла глаз.

На деле проступила новая строка:

ГОЛОС ВОЗВРАЩЁН. БРАЧНЫЙ ДОГОВОР ПОДЛЕЖИТ ПЕРЕСМОТРУ.

Я выдохнула.

Только теперь поняла, что всё это время почти не дышала.

Сая плакала. Тихо, счастливо, совершенно не по-канцелярски.

Рэн подошёл ко мне.

— Не радуйтесь раньше времени.

— Я и не радуюсь. Я фиксирую промежуточный успех.

— Вы нажили врага.

— Марека?

— Архив.

Я посмотрела на папку.

Синяя печать молчала.

— Архив сам изменил формулировку.

— Архив не любит, когда его заставляют быть точным.

— Никто не любит.

Рэн почти усмехнулся.

Почти.

Потом наклонился ближе и произнёс так тихо, чтобы слышала только я:

— Вы выиграли не развод. Только голос. Дальше будет тяжелее.

— Всегда так.

— И ещё. Ханам теперь будет смотреть на вас внимательнее.

— Она уже смотрит.

— Нет. До этого она вас рассматривала.

Он отошёл.

Я обернулась к Лиоре.

Русалка поднялась с колен. Её голос ещё дрожал в горле, будто не верил, что вернулся. Она подошла ко мне и взяла мои руки.

Пальцы у неё были холодные, влажные.

— Спасибо, — прошептала она.

Слово вышло хриплым, ломким, почти болезненным.

— Не благодарите раньше времени, — сказала я мягко.

— Договор ещё не расторгнут. Мы только открыли дверь.

Лиора покачала головой.

— Нет. Вы... слышали.

Она наклонилась ближе.

И вдруг её голос изменился.

Стал не хриплым, не водным, не её.

Он прозвучал прямо у меня в голове.

Тихо. Глубоко. Как если бы говорила река подо льдом.

«Мэй Лин тоже кричала».

Я застыла.

Лиора смотрела мне в глаза, но, кажется, уже не могла остановить то, что шло через неё.

«Только её никто не слышал».

Браслет на моей руке стал ледяным.

А в дальнем углу Брачного отдела, там, где тени от папок ложились гуще, я увидела Кагэро.

Он стоял неподвижно.

Слишком далеко, чтобы услышать обычный шёпот.
Но по тому, как его тень подняла голову, я поняла:
эти слова услышал не только я.

Глава 10 Дом тёплых свечей

После слушания Лиора долго не выпускала мою руку.

Её пальцы были холодными и влажными, но держала она крепко — так держатся не за человека, а за край лодки, когда течение уже унесло всё остальное. Голос вернулся к ней хриплым, надорванным, почти чужим. Каждый звук давался болью. И всё равно она повторяла:

— Я... не... соглашалась.

Снова и снова.

Будто проверяла: мир не отнимет эти слова, если произнести их достаточно много раз.

Марека увели не сразу. Сначала он требовал пересмотра, потом компенсации, потом обвинял Лиору в неблагодарности, потом меня — в подстрекательстве. В конце, когда печать дела окончательно закрылась и клетка с голосом рассыпалась в серебряную пыль, он посмотрел на жену так, что я сразу поняла: это не конец.

В моём мире такие мужчины не исчезали после первого проигрыша. Они подавали апелляции, присылали сообщения с чужих номеров, жаловались общим знакомым, приходили под окна, требовали «поговорить спокойно». Здесь у Марека вместо телефона были долговые печати, архивные лазейки и, возможно, знакомые среди нечисти.

— Её нужно защитить, — сказала я Рэну, когда Лиору

увели в водную комнату.

— Договор отправлен на пересмотр.

— Я не про договор. Я про неё.

Рэн посмотрел на меня из-под вороньей маски.

— Вы выиграли первое слушание и уже хотите вмешаться во второе?

— Я хочу, чтобы ответчик не добрался до просительницы раньше закона.

— Закон быстрее людей.

— Неправда. Люди, которые хотят навредить, обычно очень быстрые.

Он молчал.

Потом коротко сказал:

— Я распоряжусь о временной охране.

— Спасибо.

— Не благодарите. Это не для вас.

— Тем лучше.

Мне показалось, что он почти улыбнулся, но маска скрыла движение.

Когда мы вышли из Брачного отдела, у меня дрожали руки.

Не от страха — от напряжения. Процесс был коротким, но внутри я будто прожила старое дело заново. Женщина без голоса. Муж, который называл продажу «семейным решением». Печать, подтверждающая согласие там, где его не было. Система, которую пришлось заставить формулировать точ-

нее.

Сая шла рядом и странно молчала.

Обычно она заполняла тишину шёпотом, предостережениями, случайной ложью и тревожными комментариями о том, что может нас убить. Теперь только переставляла ноги и теребила рукав.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

— Врёшь.

— Да.

— Тогда что?

Она оглянулась. Коридор был пуст, если не считать папки, которая ползла по стене на тонких бумажных лапках.

— Вы правда хотите понять, что случилось с госпожой Мэй Лин?

— Да.

— И правда хотите расторгнуть договор?

— Да.

— Даже если господин Кагэро не такой, как вы думаете?

Я остановилась.

Сая тоже остановилась, но смотреть на меня не стала.

— А какой он? — спросила я.

Она пожала плечами.

— Страшный.

— Это я уже заметила.

— Нет. Не так. Он страшный, потому что может сделать

очень много плохого. Но иногда... иногда он делает хорошее так, чтобы никто не узнал.

— Это должно оправдать плохое?

— Нет.

Ответ прозвучал неожиданно твёрдо.

Сая подняла на меня глаза. В этот момент она перестала казаться ребёнком. Лицо осталось юным, лисьи уши всё так же дрожали, но в глазах мелькнула усталость существа, которое прожило куда дольше, чем выглядело.

— Просто если вы будете думать, что он чудовище целиком, — сказала она, — вы не поймёте, почему госпожа Мэй Лин однажды ему поверила.

Имя Мэй Лин снова отозвалось под рёбрами.

Не болью.

Тоской.

— Куда ты меня ведёшь? — спросила я.

— В место, куда вас не велели вести.

— Прекрасно.

— Но если нас поймают, я скажу, что вы меня заставили.

— Врёшь?

— Нет. Это как раз правда.

Мы свернули не к покоям и не к Судебной башне, а в узкий проход за прачечной. Там пахло мокрой тканью, золой и чем-то сладким. Сая открыла низкую дверцу, пропустила меня первой, потом сама юркнула следом.

За дверью оказалась улица.

Не парадная часть Куроаме с фонарями и лакированными крышами, а нижний город: тесный, мокрый, глухой. Дома здесь лепились друг к другу, как люди в очереди за последним шансом. Фонари горели не красным, а тёплым жёлтым светом. Вода стекала с крыш прямо на мостовую. Где-то плакал ребёнок. Где-то смеялись слишком громко.

Я плотнее запахнула серый халат поверенного.

— Нам можно выходить?

— Нет.

— Ясно.

— Но у вас статус.

— Ты же говорила, статус — это мишень.

— Да. Но иногда по мишеням боятся стрелять без приказа.

Логика была сомнительной, но в этом мире сомнительным было всё, включая архитектуру.

Мы прошли через рынок, где продавали вещи, от которых у нормального человека начиналась бы мигрень: свечи из чужого сна, пуговицы для пришивания памяти, маленькие баночки с детским смехом, завернутые в ткань имена. Сая старалась идти быстро, но у одной лавки всё-таки остановилась.

На прилавке лежали лисьи маски.

Белые, красные, золотые. Некоторые улыбались. Некоторые плакали. Одна была почти такой же, как та, что я нашла в шкатулке Мэй Лин: маленькая, с трещиной на лбу.

Сая смотрела на неё, не моргая.

— Твоя? — спросила я тихо.

Она вздрогнула.

— Нет.

Пауза.

— Была.

Я не стала спрашивать дальше. Иногда вопрос — это нож. Можно резать правду, а можно человека.

Дом тёплых свечей стоял в конце переулка.

Никакой вывески. Только низкая дверь и три жёлтые свечи в окне. Пламя у них не дрожало от ветра и не гасло от дождя. Оно горело ровно, упрямо, почти по-человечески.

Сая постучала: два раза быстро, один медленно, потом ещё один — едва слышно.

Дверь открыла женщина с седыми волосами и глазами цвета старого янтаря. Она была человеком. Я поняла это сразу — не потому, что выглядела привычно, а потому что рядом с ней мир будто перестал кривляться.

— Сая, — сказала женщина. — Ты не должна была приходить днём.

— Я привела её.

Женщина посмотрела на меня.

Её взгляд скользнул по лицу Мэй Лин, по браслету, по серому халату поверенного. На секунду в нём мелькнул страх. Потом — узнавание. Потом — что-то более сложное.

— Войдите, — сказала она.

Внутри было тепло.

Такое простое, почти забытое тепло, что у меня защищало глаза. Не магическое, не церемониальное, не тревожное. Печное. Человеческое. Пахло супом, воском, влажной шерстью и лекарственными травами.

В первой комнате сидели люди.

И не только люди.

Женщина без отражения держала на руках спящего мальчика с маленькими рогами. Старик с перевязанными глазами перебирал чётки из деревянных бусин, но каждая бусина тихо называла имя. Девушка лет шестнадцати прятала руки в рукавах; когда рукав соскользнул, я увидела, что на месте пальцев у неё тянутся тонкие бумажные полоски с брачными символами. В углу сидел мужчина, у которого не было тени. Он смотрел в пол так, будто ждал, что она вернётся.

Никто не говорил громко.

Все посмотрели на меня.

И почти все испугались.

— Они знают это лицо, — сказала я.

Седая женщина закрыла дверь.

— Здесь многие знают лицо Мэй Лин.

— Как?

Сая опустила голову.

Женщина ответила вместо неё:

— Она приводила сюда тех, кого не мог принять закон.

Я медленно повернулась.

— Мэй Лин?

— Да.

— Предательница Мэй Лин? Та самая, которая якобы разрушила печать, обманула Кагэро и сбежала?

— Люди редко становятся предателями для всех сразу, госпожа поверенный. Обычно сначала они перестают быть удобными для кого-то одного.

Эта женщина мне сразу понравилась.

И насторожила.

— Кто вы?

— Нарі. Домовая смотрительница. Когда-то — жена по долговому договору. Теперь — хозяйка этого дома, пока он нужен.

— Дом тёплых свечей, — сказала я.

Она кивнула.

— Убежище?

— Нет.

— Почему?

— Убежища незаконны. А мы — дом временного ожидания для лиц, чьи договоры находятся в состоянии проверки, утраты, сомнения или моральной невозможности исполнения.

Я невольно улыбнулась.

— Звучит как формулировка, написанная юристом, который очень хотел обойти запрет.

Нарі впервые улыбнулась в ответ.

— Её написала Мэй Лин.

Сая тихо шмыгнула носом.

Я посмотрела на людей в комнате.

— Они все связаны браками?

— Браками, долгами, именами, посмертными обещаниями. У Ночного Двора много способов не называть цепь цепью.

Мужчина без тени вдруг поднял голову.

— Вы вернёте её? — спросил он.

Голос у него был слабый, почти пустой.

— Кого?

— Мою тень. Они сказали, жена имела право забрать её после развода. Она обещала вернуть, если я извинюсь правильно.

— А как правильно?

Он растерянно моргнул.

— Я забыл.

Девушка с бумажными пальцами тихо заплакала. Женщина с ребёнком отвернулась. Сая стояла рядом со мной белая как мел.

И я вдруг поняла, зачем она привела меня сюда.

Не ради Кагэро.

Не ради Мэй Лин.

Ради того, чтобы я перестала воспринимать Брачный отдел как головоломку.

Каждое дело — это не красивая юридическая загадка. Не возможность блеснуть логикой. Не ступенька к моему соб-

ственному разводу.

За каждым договором стоял кто-то, кто не мог уйти.

Кто-то, чьё молчание признали согласием.

Кто-то, чьё имя стало залогом.

Кто-то, чью тень забрали как алименты.

— Кто финансирует дом? — спросила я.

Нари посмотрела на Саю.

Та зажмурилась.

— Пожертвования, — сказала Нары.

— Чьи?

— Разные.

— Нары.

Она вздохнула.

— Вы действительно говорите как Мэй Лин.

— Не надо.

— Простите.

Она провела нас в маленькую комнату за кухней. Там стоял стол, шкаф с лекарствами и металлический ящик, закрытый на три замка. Нары достала из-за пазухи ключ, открыла первый замок, потом второй. Третий открылся сам, узнав её кровь: она уколола палец о маленький шип.

В ящике лежали книги.

Не магические. Обычные учётные книги. Перевязанные тёмной лентой.

— Дом должен отчитываться, — сказала Нары. — Даже если его не существует.

— Перед кем?

Она открыла верхнюю книгу и повернула ко мне.

Строки были аккуратные. Дата. Имя. Состояние договора.

Помощь. Источник средств.

Я пробежала глазами первую страницу.

«Лекарства — три серебряные луны. Источник: Т.»

«Тёплая комната для матери с ребёнком — оплачено. Источник: Т.»

«Выкуп временного имени для мальчика-полукровки — долговая печать снята. Источник: Т.»

— Т? — спросила я.

Нари молчала.

Я перелистнула страницу.

Ещё «Т».

Ещё.

И ещё.

— Хозяин Тени, — сказала я.

Сая прошептала:

— Я ничего не говорила.

— Не нужно.

Я смотрела на строки.

Кагэро финансировал дом.

Тайно.

Дом, в котором прятались те, кого ломали законы его же

Двора.

Это не делало его невиновным. Не отменяло угроз, браслета, принуждения, клетки, в которой я проснулась. Но добавляло то, что я не любила в делах больше всего: сложность.

Легче было ненавидеть чудовище целиком.

Сложнее — видеть, что у чудовища есть бухгалтерия милосердия.

— Почему тайно? — спросила я.

Нари закрыла книгу.

— Потому что если Совет узнает, дом закроют. Если узнает Архив — перепишет основания. Если узнают роды — потребуют вернуть тех, кого считают имуществом.

— А если узнаю я?

— Мэй Лин уже знала.

Воздух в комнате стал плотнее.

— Что?

Нари медленно положила ладонь на книгу.

— Она пришла сюда за три месяца до свадьбы.

— С кем?

— Одна.

— Зачем?

— Сначала как просительница.

Сая тихо всхлипнула.

Я взяла книгу и перелистнула дальше, быстрее, чем следовало. Даты прыгали перед глазами. Имена. Договоры. Источники. Печати. Потом — строка, от которой у меня похо-

лодели пальцы.

Мэй Лин. Человек-договорница. Состояние: повреждение тени, частичная утрата памяти, брачный риск высшего порядка. Помощь: укрытие на семь ночей. Дата: за три месяца до брачного закрепления с Хозяином Тени.

Ниже была приписка другим почерком.

Твёрдым, резким, знакомым телу Мэй Лин так же, как запах снега.

Оплачено. Т.

Я смотрела на эту строку и не сразу поняла, что браслет на моей руке нагрелся.

Не больно.

Скорее как предупреждение.

Или как память.

— Она была здесь до свадьбы, — сказала я.

Нари кивнула.

— Значит, Кагэро знал её до брака.

— Да.

— И помогал ей.

— Да.

— Тогда почему все говорят, что она сама пришла к нему как предательница?

Нари долго молчала.

Потом сказала:

— Потому что иногда человека проще обвинить в предательстве, чем признать, что он пришёл просить защиты.

За стеной кто-то зажёл ещё одну свечу.

Тёплый свет дрогнул на странице.

А внизу, под записью о Мэй Лин, проступила строка, которой секунду назад не было:

Вернулась через семь ночей. Просила не отдавать её, если придут из Архива.

Глава 11 Демон, проигравший невесту

В Брачном отделе меня уже ждали.

Я поняла это по тишине.

После дела Лиоры канцелярия больше не казалась просто странным местом, где папки кусаются, печати моргают, а писцы с птичьими головами обсуждают чужие браки так буднично, будто речь идёт о доставке угля. Теперь я видела другое: каждый стол здесь был маленьким алтарём, на который приносили чью-то свободу, чьё-то имя, чью-то тень, а потом спорили, правильно ли заполнена форма жертвоприношения.

Когда мы вошли, несколько писцов подняли головы.

Не все. Только те, кто делал вид, что не смотрит.

Сая, как обычно, попыталась спрятаться у меня за плечом. Получилось плохо: хвост выдавал её с головой, метаясь из стороны в сторону.

— Они злятся? — спросила я тихо.

— Нет.

— Врёшь?

— Да.

— Значит, злятся.

— Не все. Некоторые боятся. Некоторые делают ставки.

Один писец сказал, что вы до конца недели либо спасёте Брачный отдел, либо сожжёте его вместе с собой.

— И на что поставила ты?

— На пожар, — честно сказала Сая. — Но я верю, что вы будете стараться.

После Дома тёплых свечей я почти не спала. Перед глазами всё стояла строка в книге Нары: *Мэй Лин. Укрытие на семь ночей. оплачено. Т.И* ниже — новая, появившаяся сама: *Просила не отдавать её, если придут из Архива.*

Если бы это был обычный кейс, я бы разложила факты на листе.

Первое: Мэй Лин пришла в убежище до свадьбы.

Второе: Кагэро оплатил её пребывание.

Третье: она боялась Архива.

Четвёртое: потом стала младшей женой Хозяина Тени, официально — предательницей.

Пятое: Ханами знала моё отчество.

Шестое: договоры здесь умеют говорить вместо тех, кого должны защищать.

Проблема была в том, что факты не укладывались в одну линию. Они лежали как осколки зеркала: каждый отражал часть лица, но стоило собрать — резались руки.

— Поверенный Арина, — сказал Рэн.

Он стоял у центрального стола. Воронья маска была на месте, мантия — безупречна, голос — сух как протокол. Но после дела Лиоры в нём что-то изменилось. Не отношение ко

мне. Нет. Он всё ещё считал меня проблемой. Просто теперь — проблемой, которую следовало читать внимательно.

Перед ним лежала новая папка.

На этот раз печать была не синей, а тёмно-красной, почти бурой. Она не моргала. Она дышала.

— Второе дело? — спросила я.

— Внеочередное ходатайство.

— От кого?

— От ответчика.

— Уже интересно.

Рэн провёл пальцем по печати. Та раскрылась с тихим рычанием.

— Заявитель — демон третьего огненного круга, имя в договоре: Асуран Вэй. Требуется возвращения невесты, имя которой было проиграно им в карточной ставке. Основание требования: брачное намерение, предварительная клятва и заявленная истинная привязанность.

Я посмотрела на него.

— Он проиграл имя невесты в карты.

— Да.

— А теперь требует вернуть.

— Да.

— Потому что любит.

— Именно.

Сая прошептала:

— Иногда любовь у демонов выглядит как пожар в сирот-

ском доме.

— У людей тоже, — сказала я.

Рэн посмотрел на меня.

— Вы берёте дело?

— А у меня есть выбор?

— Формально — да.

— А практически?

— Если откажетесь, Асуран получит право требовать рассмотрения у старших родов Огня. Там имя девушки, скорее всего, признают законной ставкой.

— Значит, беру.

— Не торопитесь. Это дело не о разводе.

— Зато о браке.

— О брачном намерении.

— Тем хуже. Намерения часто продают дороже обязательств.

Рэн чуть склонил голову.

— Я начинаю понимать, почему Хозяин Тени решил испытать вас именно здесь.

— А я всё ещё не понимаю, почему вы все называете эксплуатацию испытанием.

— Потому что слово «эксплуатация» плохо смотрится в распоряжении суда.

Сая моргнула.

— Он пошутил?

— Похоже, — сказала я. — Запомни дату.

Рэн сделал вид, что не услышал.

Демона ввели через боковую арку.

Он выглядел не так, как я ожидала. Не рога до потолка, не пылающие глаза, не копыта. Высокий мужчина лет тридцати, тёмно-рыжие волосы, бронзовая кожа, красивое лицо с резкими скулами. Одет дорого: чёрный кафтан с огненной вышивкой, кольца на пальцах, серьга в одном ухе. Только за его плечами воздух дрожал от жара, а тень на полу была красной.

Он улыбнулся, едва увидел меня.

— Наконец-то, — сказал он. — Мне обещали поверенного с живым умом. А прислали ещё и с красивым лицом. Двор сегодня щедр.

Тело Мэй Лин привыкло к комплиментам иначе, чем я. Оно чуть напряглось, будто ожидало, что за красивыми словами последует боль.

Я сложила руки на груди.

— Если вы рассчитываете расположить меня к себе лестью, начинайте хотя бы с менее дешёвой.

Демон рассмеялся.

— О, она кусается.

— Только по делу. Асуран Вэй?

— К вашим услугам.

— Не обещайте того, что не планируете исполнять. Это у вас, кажется, семейная традиция.

Его улыбка стала острее.

— Вы уже на стороне моей невесты?

— Пока я на стороне здравого смысла. Но вы ему активно проигрываете.

Рэн положил между нами лист.

— Предмет спора: имя девушки по прозвищу Лиан. Род — человеческий. Статус — свободная договорница. Между Лиан и Асураном Вэем заключена предварительная брачная клятва имени. До завершения брака Асуран поставил её имя в карточной игре против демона Ходзая. Ставка проиграна. Имя удерживается победителем. Заявитель требует признать ставку недействительной, поскольку невеста не являлась его собственностью.

— Впервые за день слышу разумную мысль, — сказала я. Асуран приложил ладонь к груди.

— Благодарю.

— Не вас. Формулировку.

— Это моя формулировка.

— А действие было ваше?

Он замолчал.

— Тогда благодарность отзывается.

Сая тихо прыснула, но тут же спряталась за рукав.

— Где Лиан? — спросила я у Рэна.

— В комнате ожидания.

— Она знает, что её имя проиграли?

— Да.

— Она может говорить?

— Не своим именем.

Я закрыла глаза на секунду.

— Объясните.

Рэн ответил:

— Когда имя удерживается третьей стороной, человек сохраняет тело, голос и память, но теряет юридическое присутствие. Она может говорить, но её показания не будут закреплены в протоколе, пока имя не возвращено или не признано украденным.

— То есть суд готов слушать демона, который проиграл её имя, но не женщину, чьё имя проиграли?

— Именно это мне и не нравится, — сказал Рэн.

Я открыла глаза.

Это было новое.

— Вам?

— Не путайте. Моё недоверие к вам не означает любви к плохим формулировкам.

— У нас появляется база для общения.

Асуран скучающе постучал кольцами по столу.

— Как трогательно. Но пока вы оба наслаждаетесь тонкостями, моя невеста находится во власти Ходзая.

— Вы сами передали её имя.

— По глупости.

— Глупость редко является основанием для отмены сделки.

— По любви.

— Ещё реже.

Он резко посмотрел на меня.

Жар за его спиной стал сильнее. Папка на столе задымила.

Один из писцов недовольно зашипел и плеснул на неё водой из чернильницы.

— Я люблю Лиан, — сказал Асуран.

— Возможно.

— Вы сомневаетесь?

— Я не знаю вас достаточно, чтобы сомневаться. Пока я вижу только мужчину, который поставил имя женщины на кон, а потом пришёл жаловаться, что проиграл.

— Демона.

— Что?

— Я демон.

— Поведение универсальное.

Рэн кашлянул. Кажется, чтобы скрыть реакцию.

Асуран наклонился ко мне.

— Вы не понимаете. Среди моего рода ставка именем — признание высшей ценности. Я поставил самое дорогое, что у меня было.

— Чужое имя.

— Она обещала стать моей.

— Обещала стать женой, а не фишкой.

— Вы судите по человеческим меркам.

— Да. Удобная привычка, когда речь о человеке.

Он замолчал.

Впервые в его лице мелькнуло раздражение не от укола, а

от того, что аргумент оказался неудобным.

— Я хочу говорить с Лиан, — сказала я.

Рэн кивнул.

— Она не сможет подписать показания.

— Пусть хотя бы произнесёт их.

— Протокол не примет.

— Зато я приму.

Комната ожидания была маленькой, с серыми стенами и одной свечой в красной чаше. У окна сидела девушка.

Лиан.

Не красавица из песен, не хрупкая жертва, не огненная невеста демона. Просто девушка лет двадцати пяти с упрямым подбородком, тёмными волосами, собранными в узел, и усталыми глазами. На шее у неё висела пустая табличка для имени. Гладкая. Без единой буквы.

Она подняла голову.

— Вы новая поверенная?

Голос у неё был.

Но когда она сказала «я», воздух не дрогнул. Слово будто не нашло за что зацепиться и упало между нами пустым.

— Да. Арина.

— Вы вернёте моё имя?

— Попытаюсь. Но сначала хочу понять, хотите ли вы возвращаться к Асурану.

За дверью кто-то резко выдохнул. Рэн, видимо, стоял достаточно близко.

Лиан посмотрела на меня долгим взглядом.

— Никто не спросил.

— Я спрашиваю.

Она отвела глаза к окну.

— Когда он ухаживал, он был смешным. Глупым. Щедрым. Слишком громким. Он приносил мне горячие персики зимой и ругался с дождём, когда тот портил мне волосы. Он говорил: «Демоны не умеют ждать, но я ради тебя научусь». Я почти поверила.

— Почти?

— Потом он проиграл моё имя.

Сказано было спокойно.

Слишком спокойно.

— Он говорит, что любит вас.

— Он, возможно, так и думает.

— А вы?

Лиан усмехнулась.

— Я думаю, что любовь, которая не умеет отличить женщину от самой дорогой вещи в комнате, слишком опасна для брака.

Я посмотрела на неё и почувствовала неожиданное облегчение.

Вот она. Живая. Не молчащая рана, не символ дела, не «имя в ставке». Человек, который формулирует свою боль точнее многих поверенных.

— Вы хотите расторгнуть предварительную клятву?

— Я хочу сначала вернуть имя.

— А потом?

Она посмотрела прямо.

— Потом хочу, чтобы он услышал, как я сама скажу «нет».

Когда мы вернулись в зал, Асуран уже ходил по кругу. За каждым его шагом на полу оставался красноватый след жара.

— Ну? — спросил он. — Она плачет?

— Нет.

— Злится?

— Да.

— Значит, любит.

Я посмотрела на него с искренней усталостью.

— Удивительная способность мужчин всех видов принимать женскую злость за доказательство собственной значимости.

Рэн открыл слушание.

В отличие от дела Лиоры, здесь не было клетки с голосом. На стол положили колоду карт. Чёрные, тонкие, сделанные то ли из кожи, то ли из тени. На одной карте проступала пустая табличка, такая же, как на шее Лиан.

— Ставка была принята, — сказал Рэн. — Карты признали имя действительным предметом.

— Карты — суд? — спросила я.

— В азартных договорах — свидетель.

— Прекрасно. Теперь у нас игральная колода с юридическими полномочиями.

— Не оскорбляйте колоду, — тихо предупредила Сая. — Она мстительная.

Асуран поднял подбородок.

— Я требую признать сделку недействительной, потому что Лиан не была моей собственностью.

— Согласна, — сказала я.

Он моргнул.

— Что?

— Сделка недействительна, потому что вы не могли распоряжаться её именем.

— Тогда вы на моей стороне.

— Нет.

— Но...

— Вы хотите отменить сделку, чтобы вернуть себе возможность заключить брак. Я хочу отменить сделку, чтобы вернуть Лиан право самой отказаться от вас. Это разные цели.

Его лицо потемнело.

— Она не откажется.

— Значит, вам нечего бояться.

Он не ответил.

Рэн, кажется, едва заметно наклонил голову. Если бы я не начинала понимать его манеру, не уловила бы: одобрение.

— Основание? — спросил он.

— Предварительная брачная клятва имени. Покажите текст.

Папка раскрылась. Лист поднялся в воздух.

Я прочла:

Сторона Лиан, именуемая будущей супругой, передаёт стороне Асуран Вэй право призывать, защищать и хранить её имя до завершения брака. Сторона Асуран Вэй обязуется не использовать имя во вред стороне Лиан, кроме случаев необходимости сохранения союза.

Я перечитала последнюю строку.

Потом ещё раз.

Сердце стукнуло неприятно.

Кроме случаев необходимости сохранения союза.

Слишком знакомо.

Не текстом. Смыслом.

Я уже видела такую логику: свободу можно ограничить «для защиты брака», память можно переписать «для сохранения печати», голос можно продать «для благополучия семьи».

— Кто составлял клятву? — спросила я.

Асуран ответил слишком быстро:

— Родовой поверенный.

— Имя?

— Сэйго.

— Чей родовой поверенный? Ваш?

— Да.

— Лиан был предоставлен независимый поверенный?

— Она доверяла мне.

— Это не ответ.

— Нет.

— Переводчик?

— Она знает общий язык.

— Объяснение последнего пункта?

— Он стандартный.

— Я не спрашиваю, стандартный ли он. Я спрашиваю, объясняли ли ей, что «необходимость сохранения союза» может позволить вам распоряжаться её именем.

Асуран молчал.

Рэн посмотрел на него.

— Ответьте.

— Не помню.

Я почти улыбнулась.

— В этом мире у мужчин удивительно избирательная память на моменты женского согласия.

Сая прошептала:

— Теперь колода точно вас запомнит.

Карты на столе зашуршали.

Одна медленно перевернулась.

На ней вспыхнула сцена: Асуран сидит за игорным столом, улыбается, пьяный от жара и удачи. Напротив — демон с белыми глазами. Между ними карта с именем Лиан. Асуран говорит:

«Если я выиграю, она станет моей окончательно. Если проиграю — значит, судьба хочет проверить, насколько

крепко я держу».

Видение исчезло.

В зале стало тихо.

— Судьба, — сказала я. — Очень удобно сваливать на неё карты, которые вы кладёте собственной рукой.

Асуран побледнел под бронзовой кожей.

— Я был пьян.

— Имя Лиан тоже?

— Я не хотел терять её.

— Нет. Вы хотели доказать, что можете поставить её на кон и всё равно выиграть.

Он резко шагнул ко мне.

Жар ударил в лицо.

— Я пришёл вернуть её!

— Потому что потеряли.

— Потому что люблю!

— Тогда почему вы ни разу не сказали: «Я виноват»?

Он замер.

В воздухе запахло палёной бумагой.

Я говорила тише:

— Вы сказали: был пьян. Был глуп. Так принято. Это ставка высшей ценности. Я люблю. Я хочу вернуть. Но ни разу — «я не имел права». Ни разу — «её имя не моё». Ни разу — «я отдам ей выбор, даже если она скажет нет».

Асуран смотрел на меня.

И впервые в его лице что-то сломалось.

Не достаточно, чтобы я ему поверила. Но достаточно, чтобы увидеть: где-то под демонической гордостью, под жаром, под красивыми словами о любви действительно была боль.

Это не оправдывало его.

Но делало дело труднее.

— Я... — начал он.

И замолчал.

Рэн поднял карту с именем.

— Брачный отдел признаёт ставку недействительной в части передачи имени третьему лицу, поскольку предварительная клятва не предоставляла стороне Асуран Вэй права отчуждения имени. Имя Лиан подлежит возврату носителнице.

Карта вспыхнула.

Пустая табличка на шее Лиан, сидевшей у края зала, вдруг засияла.

На ней проступило имя.

Лиан.

Просто Лиан.

Девушка вдохнула так, будто до этого держала воздух несколько дней.

Асуран бросился к ней, но Рэн ударил посохом по полу.

— Стоять.

Демон застыл.

Лиан поднялась.

Она подошла к нему сама. Медленно. Спокойно. Так, как

идут не к любимому и не к врагу, а к человеку, которому наконец можно сказать последнее слово.

— Лиан, — прошептал Асуран.

Она вздрогнула, услышав своё имя из его уст, но не отступила.

— Теперь слышишь? — спросила она.

— Да.

— Я не вещь, которую можно поставить, проиграть, вернуть и снова назвать своей.

— Я знаю.

— Нет. Пока ещё нет.

Он хотел что-то сказать, но она подняла руку.

— Я расторгаю предварительную клятву.

Асуран побледнел.

— Лиан...

— Нет.

Одно слово.

Без крика. Без слёз.

Но имя на её табличке вспыхнуло так ярко, что карты на столе разлетелись в стороны.

Рэн зафиксировал решение.

А я смотрела на лист предварительной клятвы.

На последнюю строку.

Кроме случаев необходимости сохранения союза.

Браслет на моей руке стал холодным.

Не сам браслет — кожа под ним. Как будто где-то глубже,

в скрытом слое договора Мэй Лин, лежала похожая фраза.

Не точно такая.

Но родственная.

Я потянулась к листу.

— Можно посмотреть ещё раз?

Рэн передал его мне.

Строки шевельнулись.

И вдруг под последним пунктом проступил едва заметный второй слой. Не чернила. Тень. Формула, спрятанная под формулой:

Согласие, данное ради сохранения союза, сохраняет силу после утраты памяти, голоса, имени или свободного волеизъявления.

У меня похолодели пальцы.

— Рэн, — сказала я.

Он наклонился ближе.

— Что?

— Это стандартная формула?

Он прочёл.

И по тому, как напряглась линия его рта под маской, я поняла ответ раньше, чем он сказал:

— Нет.

Сая заглянула в лист, побледнела и отступила.

— Я видела такое, — прошептала она.

Я медленно повернулась к ней.

— Где?

Она смотрела не на меня.

На мой браслет.

— В вашем брачном договоре, госпожа.

Глава 12 Чужое имя во рту

Сая сказала это шёпотом.

Но в Брачном отделе шёпот иногда звучал громче крика.

— В вашем брачном договоре, госпожа.

На мгновение всё вокруг застыло.

Асуран стоял рядом с Лиан, уже не такой яркий, не такой самоуверенный. Лиан держала ладонь на табличке с возвращённым именем и смотрела в пол. Рэн медленно перевёл взгляд с листа предварительной клятвы на меня. Писцы притихли. Даже красная печать дела перестала дышать.

А я смотрела на строку.

Согласие, данное ради сохранения союза, сохраняет силу после утраты памяти, голоса, имени или свободного волеизъявления.

Было в ней что-то чудовищно аккуратное.

Не грубое насилие. Не «держат силой». Не «запретить уйти». Нет. Всё гораздо изящнее: если однажды ты сказала «да» ради спасения кого-то, ради любви, долга, страха, мира — твоё «да» будет жить после тебя. Даже когда ты потеряешь память. Даже когда у тебя заберут голос. Даже когда ты больше не сможешь хотеть.

Такие формулировки не ломают кости.

Они ломают выходы.

— Сая, — сказала я очень тихо. — Ты уверена?

Она побледнела.

— Нет.

Я посмотрела на неё.

Она зажмурилась.

— Да.

— Где ты это видела?

— В черновике.

— Каком черновике?

— Я не должна была смотреть.

— Сая.

— Я не смотрела! — выпалила она и тут же добавила: —

То есть смотрела, но случайно. То есть не совсем случайно.

Госпожа Мэй Лин велела мне не смотреть, поэтому я, конечно, посмотрела, потому что иначе зачем велеть?

Рэн резко произнёс:

— Место.

Сая прикусила губу.

— Что?

— Где вы видели черновик?

Она замотала головой.

— Не могу.

— Это приказ суда.

— А у меня был приказ госпожи Мэй Лин не говорить!

— Приказ мёртвой или отсутствующей стороны не имеет силы перед судом.

— Она не мёртвая!

Тишина.

Слова вылетели из Саи раньше, чем она успела испугаться. А когда испугалась, было уже поздно.

Лиан подняла голову. Асуран перестал дышать жаром. Рэн застыл.

Я смотрела только на Саю.

— Что ты сказала?

Она отступила на шаг.

— Я соврала.

— Нет.

— Я всегда вру.

— Сейчас — нет.

— Тогда я ошиблась.

— Тоже нет.

Сая закрыла рот ладонями. Хвост метался за спиной так быстро, будто хотел сбежать отдельно от неё.

Рэн тихо сказал:

— Это уже не относится к делу Асуран Вэй и Лиан.

— Относится ко мне, — ответила я.

— Именно поэтому сейчас не место.

Он был прав.

Ненавижу, когда неприятные люди правы.

Я сложила лист с формулой и вернула его Рэну.

— Мне нужна копия.

— Вам нельзя выносить материалы чужого дела.

— Тогда зафиксируйте формулу в моём временном деле

как совпадающую с предполагаемым условием моего брачного договора.

— Предполагаемым.

— Да. Пока.

Рэн молча провёл ногтем по краю листа. От текста отделилась тонкая теньевая полоска, свернулась в маленький чёрный завиток и легла на мою ладонь.

— Это не копия, — сказал он. — Это след формулы. Его хватит, чтобы св

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.